

ХОЗЯЙКА КАМЕНОЛОМНИ В ДРАКОНЬЕМ ДОЛЕ

Жанна Лебедева

Жанна Лебедева

**Хозяйка каменоломни
в Драконьем доле**

«Автор»

2024

Лебедева Ж.

Хозяйка каменоломни в Драконьем доле / Ж. Лебедева —
«Автор», 2024

Пенсионерка Анна Сергеевна умерла и попала в сказку. Теперь она молода, красива и богата, но бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Сначала муж-герцог опозорил и сослал в глушь ни за что. Потом эльфийские князья явились с претензиями. И опасные разбойники покоя не дают... Жизнь в этой сказке не сахар, но трудности закаляют. Когда у тебя в подчинении полудикое поместье и убыточная каменоломня, думать о проблемах некогда. Надо действовать! И Анна Сергеевна себя еще покажет: и с трудностями разберется, и с недоброжелателями. И даже древнюю тайну разгадает. И любовь настоящую найдет... Может быть.

© Лебедева Ж., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Предательство	5
Глава 2. Камни и тайны	17
Глава 3. Осенние визиты	29
Глава 4. Вот так новости	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Жанна Лебедева

Хозяйка каменоломни в Драконьем доле

Глава 1. Предательство

Муж пришел в полночь.

К этому времени Анна Сергеевна Орлова была как на иголках.

На журнальном столике лежала полупустая пачка от успокоительных таблеток. И еще одна. От обезболивающего. Рядом стояла чашка с чаем, щедро сдобренным вонючей валерьянкой.

Звонок нарушил тишину полутемной хрущевки, такой же пожилой, как и ее хозяйка.

– Ванечка! – воскликнула Анна обрадованно. – Ну наконец-то... – Она кряхтя поднялась с продавленного кресла и взялась за ходунки. – Бегу-бегу...

Проходя мимо желтого шкафа в прихожей, Анна невольно отвернулась. Еще полгода назад она была моложавой женщиной, в которой никто не видел пенсионерку. Подтянутая и полная жизни, она упорно продолжала ходить на работу утром, а вечером – на фитнес. И за домом успевала следить, и за дачей. По выходным выкраивала время на театры и музеи. Баловала внучатых племянников. Занималась самодеятельностью – пела в хоре. И это все в шестьдесят четыре года!

А теперь...

После того, как полгода назад ее разбил инсульт, Анна превратилась в большую старуху, медленную, немощную, еле способную самостоятельно двигаться и говорить.

Добравшись до прихожей, она впустила мужа в квартиру и неуклюже отступила к стене. Устала... Всего несколько шагов прошла и устала безумно.

– Что ты так поздно, Ванечка? – спросила у благоверного. – Что случилось?

– Аня, я от тебя ухожу, – прозвучало коротко, как выстрел.

– Что? – Анна не поверила собственным ушам.

Должно быть, это слуховые галлюцинации. Из-за инсульта...

– Я встретил настоящую любовь, – холодно бросил муж.

Она никак не могла принять страшную реальность. Муж бросает ее? После почти сорока лет совместной жизни? Не может быть!

Не может этого быть...

Анна, конечно, слышала истории про нехороших мужей, бросающих своих жен в преклонном возрасте. Как говорится, седина в бороду – бес в ребро, но... Ее Ванечка не такой! Он хороший, честный, верный! Сколько горя они вместе хлебнули, сколько радости разделили. Всегда друг другу поддерживали, выручали.

Когда муж слег с давлением почти на два года, Анна тащила его на себе во всем смыслах. В плане быта и денег.

И вообще...

Она не стала брать сиделку, так как считала, что лучше нее никто с этой ролью не справится. Недуг супруга Анна переживала как свой собственный. Наверное, это ее и подкосило.

Проклятый инсульт...

Она снова попыталась разобраться в происходящем. Спросила умоляюще, беспомощно:

– Как же так, Ванечка? О чем ты говоришь? О ком?

– О Верочке Шмаковой, – раздалось равнодушное пояснение.

– Эта которая... твоя секретарша?

У Ивана после выздоровления, несмотря на преклонный возраст, карьера на заводе пошла в гору. Он стал большим начальником, получил свой кабинет из дерева и кожи. Генеральный не любил самовольную непредсказуемую молодежь, поэтому, вопреки косым взглядам, назначил на важную должность деятельного пенсионера, которому доверял, как самому себе.

Секретарша опять-таки у Ивана появилась. Все чин чинарем, согласно должности.

Но Анна и не думала про нее ничего такого... Ни-ни! Муж казался ей святым. Праведником. Настоящим мужчиной.

Ангелом во плоти.

Она растворялась в своей любви. В доверии. В нежности...

А теперь по ней будто бульдозером проехали.

– Мы решили пожениться, как только развод с тобой оформим. Я детей хочу завести.

– Каких детей? – Анна почувствовала, что ноги, и так еле держащие ее, отказывают окончательно. Она вцепилась в ручки ходунков. – Тебе же шестьдесят пять?

– И что? – зло сверкнул глазами муж. – Это ты стара и больна для материнства, а я – мужик. Значит, всегда готов.

– А жить? – Анна захлебнулась вздохом. – Где же вы будете жить?

– Я купил нам квартиру, – рявкнул Иван. – Что? Ну что ты так на меня смотришь? Я накопил денег и купил квартиру для себя и Верочки.

– Но как же...

Анне казалось, что она находится в какой-то дикой, чужой реальности. В дурацком шоу розыгрышей. В глупом фильме про интриги и страсти. Только не в своей квартире.

Ее хрущевка. Они жили в ней уже много лет. С середины девяностых. После того, как их общую квартиру по вине мужа отобрали мошенники. Иван не любил вспоминать. Анна понимала и не поднимала тему. Трешка, доставшаяся ей от родителей, спасла положение. Ремонт добавил уюта.

Было хорошо...

Последние годы Анна правда мечтала, что они возьмут специальную ипотеку для пенсионеров и купят в новостройке квартиру поменьше. Обязательно с панорамными окнами. А хрущевку сдадут. Вот и дополнительный доход. На море можно будет ездить летом. Даже, возможно, в Турцию.

Но это так, мечты...

– И нашу новую с Верочкой квартиру я оформил на нее, – бросил муж как бы невзначай. – Это чтобы ты не думала нам мстить и козни строить.

Козни? Мстить? Как он мог... Как мог такое подумать! Всю их брачную жизнь Анна злого слова в сторону мужа не допускала. Если не сдерживалась и ругала супруга мысленно, потом корила себя за это. Они ведь не какие-нибудь... Из сериала. Которые на потеху публике поносят друг дружку почем зря и ссорятся каждую минуту.

Они образцовая семья и пара.

Пусть и без детей. Иван не хотел их заводить, говорил, еще не время – то разруха, то кризис, то бедность, то карьера, то кредит на машину, то то, то се. Анна и не настаивала.

И вот он детей захотел, значит...

Только не с ней... Не с ней!

Из глаз потекли предательские слезы.

– Я ухожу от тебя, – медленно и громко повторил Иван, решив поставить жирную точку. Прожег жену взглядом. – Поняла? И хватит уже, Аня. Хватит! Не реви. Это все.

– Как же так можно, Ванечка... Как же...

Анна болезненно вскрикнула. Сердце будто острыми иглами пронзили. Мир закружился бешеной каруселью, а на грудь словно слон наступил. Легкие сдавила непреодолимая тяжесть...

...и мир исчез вмиг.

Анна поняла, что это все.

Это конец...

– Госпожа герцогиня! Госпожа герцогиня! – Женский голос летел из темноты. – Очнитесь, я вас умоляю...

Анна попыталась приоткрыть глаза, но получилось не сразу. Веки будто склеили, и давящее чувство в груди по-прежнему мешало нормально дышать. Наконец воздух прошел в легкие. Сразу стало легче.

Немного...

Анна посмотрела перед собой и увидела небо.

Это было так странно. Она ожидала оказаться под не слишком чистым потолком больничной палаты, как это уже бывало. В лучшем случае...

Ну или в морге. Хотя о нем думать как-то не хотелось.

После инсульта, помнится, ее отвезли в районную больницу, совсем небогатую, давно не выдавшую ремонта, зато бесплатную. Муж, когда болел, поначалу лежал в дорогой платной клинике. Анна сама на этом настояла. Из семейного бюджета на лечение Ивана ушло много денег, поэтому, когда недуг пришел за Анной, та довольствовалась малым. Она все понимала и готова была потерпеть. Ради любви. Ради семьи. Ради высшей цели. Правда, если бы кто-то попросил ее обозначить эту самую высшую цель конкретными словами, Анна не смогла бы это сделать. Цель была эфемерной, расплывчатой и почти неосязаемой. «Чтоб было как у всех и не хуже, чем у других», – примерно так звучал девиз, под знаменем которого Анна уверенно вела свою семью к счастью...

И ради этого Анна приучила себя к негласному правилу – все лучшее для мужа Ванечки. Он мужчина, глава и кормилец, ему нужнее, а она... Она уж как-нибудь прижмется и потерпит. Извернется и подстроится.

Доподстраивалась вот...

Но небо все равно удивляло. Оно было таким высоким и свежим, что казалось – можно провалиться в него, если долго в эту невообразимую синь смотреть.

А еще небо было чужим.

– Госпожа! Вы очнулись! Какое счастье! – грянул над ухом пронзительный голос, такой же чужой, как и небо.

Руки щекотала трава. И щеки. Запах отцветающей пижмы, одурманивающе тяжелый, пряный, заполнил ноздри.

И полынь...

Анна Сергеевна поняла, что лежит где-то за городом и смотрит на бег прозрачных облаков в высоте. А на улице тот же поздний август. Или, может, уже ранний сентябрь?

У нее опять был приступ?

И почему она в этом странном месте?

А может, она...

Неприятная мысль о смерти внезапно показалась самой реалистичной. Вот только...

Анна Сергеевна села. Чьи-то сильные руки поддержали ее под спину.

– Госпожа, аккуратнее! – Напротив нарисовалось круглое и румяное лицо молодой женщины. Глаза незнакомки сияли искренней радостью. – Как вы себя чувствуете? Лучше? Я вам сейчас укрепляющего настоя принесу. Сами сидеть уже можете?

– Да, – ответила Анна.

Голос прозвучал как чужой. Он был звонче и чище ее собственного. Хотя нет, он был примерно таким, каким был голос Анны Сергеевны Орловой много лет назад. Когда они познакомились с Иваном в компании заядлых туристов-байдарочников. Один из парней, однокурсник Анны, играл на гитаре, а она пела Визбора.

Иван всегда говорил, что влюбился в нее именно в тот момент. С первого взгляда и на всю жизнь.

И ничего не было романтичнее того признания и прекраснее того момента.

Поход. Гитара. Визбор. Костер. Влюбленные глаза будущего мужа...

Заботливая незнакомка отошла к большой корзине, лежащей поодаль. Стала в ней рыться. А Анна принялась оглядываться по сторонам, продолжая удивляться.

Прежде всего пейзажу.

Кругом раскинулись мягкие холмы, затянутые пестрым покрывалом смешанных лесов. В кроны высоких берез проникало первое осеннее золото. Анна с радушной женщиной находилась на вершине такого холма, рядом с проселочной дорогой. Чуть поодаль стояла повозка, запряженная парой пегих лошадей.

Местный транспорт?

Одежда тоже приводила в замешательство.

И Анна, и незнакомка были одеты в старинные длинные платья. Тяжелые, замысловатые, с пышными подолами. Не очень удобные, наверное.

Вытянутые перед собой руки поразили не менее.

То были молодые, ухоженные руки с аккуратно подпиленными короткими розовыми ногтями. Со светлой кожей. Без артритных узлов на костяшках. В кольцах с яркими камнями.

Лет тридцать им было максимум, рукам этим...

Новый мир. Новое тело.

Новая жизнь?

Анна собралась с мыслями. Медлить нельзя. Надо быстро придумать хоть какой-то план дальнейших действий.

За свою жизнь она перечитала кучу фантастики и фэнтези. Ей всегда нравились истории про полное приключений будущее и красочные сказки про эльфов, волшебников и отважных находчивых попаданок. На последних она крепко подседа и перечитала десяток серий подобного рода.

И теперь она сама тоже попаданка. Подумать только!

И что же делать дальше? Как себя вести?

Опыт книжных коллег подсказывал, что объявлять о своем попаданстве сходу незнакомым людям не стоит. Лучше сначала присмотреться к окружающим и к ситуации в целом. А то мало ли... Вдруг чужачек из соседних миров тут не жалуют?

Вот только как не вызвать подозрений, если ты в реалиях нового мира ни бум-бум, и даже не представляешь, кто и как жил в этом теле до тебя?

Самый простой способ не попасться, проверенный множеством попаданок, – это потеря памяти. Тем более что процесс попадания в новое тело часто сопровождается неким травмирующим событием. При таком раскладе немудрено и саму себя забыть.

И молчать.

Лучше сначала побольше молчать и побольше слушать.

– Госпожа, вот, попейте. – Добрая женщина вернулась и подала флягу. – Вы как себя чувствуете? На вас лица нет, – задала обеспокоенно вопрос.

– Я ничего не помню, – сказала Анна. – Совсем ничего.

– И меня забыли? – испугалась незнакомка.

Анна осторожно кивнула:

– Да.

– Мариса я. Камеристка ваша, – расстроено напомнила собеседница. Побледнела вдруг как снег. – Вы, госпожа, и себя совсем забыли, что ли? Даже имя свое?

И тут случилось невероятное.

В памяти само собой всплыло нужное имя. Оно было такое же.

Абсолютно.

Анна!

– Помню, что я Анна... Вроде бы...

– Помните имя! Какое счастье, госпожа. – Мариса от радости даже в ладоши хлопнула.

– Но больше ничего, – тут же разочаровала ее Анна. Она еще раз огляделась по сторонам. Взглянула на лошадей, на повозку. – Куда мы ехали, и что со мной произошло?

Мариса горестно поджала губы и смахнула слезу.

– Мы ехали в Драконий дол. И вдруг вам стало плохо. Я думала, что вы умираете. Так испугалась! Я ведь с вами одна в этой глуши. Вас так корежило, ломало, вы задыхались... То, что вы выжили, – настоящее чудо.

Анна кивнула.

– Да, пожалуй. Даже не верится, что все закончилось... – Она хотела сказать «хорошо», но язык не повернулся. Ведь это было несправедливо по отношению к прежней хозяйке тела. Та погибла от внезапного приступа, судя по всему. – Вот так...

Мариса наклонилась к госпоже и прошептала заговорщицки:

– Это я.

– Что ты? – тоже перейдя на шепот, уточнила Анна.

– Я заговор применила. Понимаете? Магию. Чтобы вас спасти.

– Спасибо, – без задней мысли похвалила спутницу Анна.

И с теплом подумала о том, что во всей куче бед и неудач, свалившейся на голову, как подтаявший лед с крыши, все же нашлось и кое-что хорошее. Первый встреченный в новом мире человек – это добрая и заботливая женщина. А ведь мог и злодей какой-нибудь попасться. Все-таки неоднозначная такая ситуация...

– Ох! – Мариса прижала к щекам полные руки. – Вы меня, госпожа, только не выдавайте никому. Прошу...

Анна совершенно не понимала сути проблемы, поэтому на всякий случай напомнила про свою амнезию.

– Я что-то плохо соображаю пока... Почему никому нельзя о твоей магии рассказывать?

– И это забыли? – расстроилась камеристка. – Тут дело-то серьезное. Магию использовать всем неродовитым гражданам королевства еще три года назад запретили. Только знать колдовать может. Прислуга, вроде меня – ни-ни! За это теперь и все имущество отбирают, в застенки сажают, а то и вовсе казнят. За прислугой особенно следят. Я поэтому вам и не признавалась никогда. У меня дар-то слабенький совсем, его другие маги и не чувят. Тем и спасалась. А тут... Ну не могла же я вам умереть позволить? Вот и пришлось запрет нарушить.

Она будто извинялась, и Анна немедленно успокоила:

– Я никому ни за что не выдам свою спасительницу. – Перевела поскорее тему: – А что там за Драконий дол, в который мы едем?

– Там именье ваше родовое, – немного успокоившись, пояснила Мариса. – Ну как, ваше... Прабабкино еще.

– Ясно. – Анна взгляделась в пляску хищных птиц на фоне большого облака, наползшего из-за горизонта и укрывшего солнце. – А почему мы туда едем? В гости?

– О-о-ох... – глубоко вздохнула камеристка и замялась на несколько секунд. Похоже, ей совершенно не хотелось озвучивать причину их путешествия. Но пришлось: – Вас туда муж выслал.

Анна не поняла:

– Выслал? Что это значит? – по горестной интонации собеседницы она примерно поняла, что в семье прежней Анны произошло нечто из ряда вон выходящее. Нечто плохое и судьбоносное. Какая ирония! – Что именно случилось?

Мариса послушно разъяснила:

– Ваш муж, его светлость герцог Лирнийский, отослал вас сюда, в ваше родовое имение, ожидать развода. Он уже подал прошение в королевский суд.

Слово «развод» резануло по ушам и болезненным эхом отозвалось в голове. Анна зажмурилась и помотала головой. Да что ж это такое! И тут развод.

Вот тебе и новая жизнь в новом мире...

Правда здесь развод с неизвестным герцогом вовсе не казался таким уж страшным и ошеломляющим событием. Мужа прежней Анны Анна новая в глаза не видела, да и не особо, надо сказать, этого жаждала. Может, без него и лучше будет?

В своем-то собственном имении?

Раньше у Анны была только дача на шесть соток, а тут целое родовое имение! Интересно будет посмотреть. А еще она теперь герцогиня... Или – пока герцогиня? Как тут у них обстоят дела с титулами и разводами? Скорей бы уж до этого самого Драконьего дола добраться и во всем разобраться...

Пока суд да дело она решила выяснить все детали случившегося.

– И из-за чего супруг со мной разводится? Напомни, пожалуйста? – Предположила: – Влюбился в другую, что ли?

И угадала.

– Да. В какую-то никому не известную безродную девушку. Она его прямо околдовала!

Анна невольно восхитилась ироничностью ситуации, а потом подумала, уж не похожестью ли судеб обусловлено ее попадание в тело бедной прежней Анны?

– Да уж, – произнесла она спокойно. – Случается такое.

Ну надо же было что-то сказать?

Мариса, похоже, ожидала совсем иной реакции. Ровный тон госпожи сначала удивил, а потом обрадовал верную камеристку.

– Можно я вам одну честную вещь скажу? – решила она. – Вы только меня правильно поймите и не сердитесь.

– Говори, – кивнула Анна.

– Простите... Но я даже рада, что вы память потеряли. Вы теперь такая спокойная и умиротворенная, – пустилась она в разъяснения. – А то последние дни перед отъездом были сущим кошмаром. Вы так мучились, так страдали. Рыдали ночами напролет. Это было ужасно! У меня сердце разрывалось от жалости и беспомощности. Ну что я, простая камеристка, могла сделать? Я даже карету у его сиятельства выпросить для вас не смогла. – Она указала подбородком на повозку. – Герцог только этот старый тарантас позволил взять. Черную упряжную пару чистопородную, что вам родители подарили, запрячь не разрешил. Этих вон выдал. Рабочих... Как будто вы, госпожа, не герцогиня, а какая-то крестьянка... И ни кучера, ни повара с вами не отпустил. Ни горничных. Ни лекаря даже... Драгоценности и одежду, что дарил вам во время брака – все запретил в сундуки складывать. Это так несправедливо! Так жестоко...

Анна знала Марису меньше часа, но от добрых слов той и заботы разливалось в душе благодарное тепло.

– Главное, что ты со мной. Проживем как-нибудь без драгоценностей и нарядов.

Камеристка так расчувствовалась, что никак теперь не могла успокоиться.

– Ох, госпожа. Ну горничные – ладно. Я одна и за троих поработать смогу. И тарантасом править умею. Даже силки на кроликов поставлю, если уж совсем голод припрет... Но как же без лекаря-то? С вашим-то недугом?

Недугом...

Анна насторожилась. Что еще за недуг?

– Чем я болею? – спросила напрямую.

Взгляд Марисы невольно скользнул по пышному подолу Анниного платья. Рюши таинственно колыхались на ветру, переключаясь травянистыми узорами с серебром душистой полыни.

Что-то было не так.

– Вы, госпожа, подол-то приподнимите...

Все еще не понимая, в чем суть проблемы, Анна смяла руками бархатистую ткань платья, потянула к груди. И все стало ясно.

С губ сорвалось невольное:

– О, господи...

Обе Аннинных ноги, открытые до колен, тонули в изумрудном ворсе густой травы.

На левой был надет плотный серый чулок, чуть сморщенный у щиколотки. Туфля из черной кожи держалась за лодыжку тугим ремешком. А вторая нога...

...была как у шарнирной куклы. Блестящий материал, похожий на металл, распускал по острым травинкам искорки тусклых зайчиков...

Анна судорожно потянула за ткань. Подняла подол до бедер, чтобы срочно оценить весь масштаб бедствия. От колена и выше правая нога была целой, живой.

– Искусственную вам эльфы делали, – робко пояснила Мариса. – Зачаровывали особым образом, чтобы держалась как своя и не болела.

– Ясно.

По поводу ноги Анна сразу решила, что и это ничего. Неприятно, но не смертельно.

Главное, что она не одна. И крыша над головой имеется. И финансы тоже. И молодость опять же... Разве этого мало?

Новый мир интересовал гораздо сильнее, чем старые проблемы. Неизвестность манила волшебством, тайнами, эльфами. Сказка, начавшаяся со знакомого по прежней жизни предательства, притягательности своей не утратила.

Наоборот.

– Как же так произошло? С ногой? – решила выяснить Анна.

– На охоте вас лошадь понесла, споткнулась о бревно и в овраг рухнула. Придавила ногу. Лекари старались, но ничего-то у них не вышло с лечением. Так что пришлось... Вот так... – Мариса посмотрела на небо. Облака разошлись, выпуская на свободу побледневшее солнце. – Давайте уже поедem, госпожа. Путь не самый близкий.

– Давай, – согласилась Анна.

Она неожиданно легко поднялась. Протез почти не ощущался. Шарнир в щиколотке двигался удобно, мягко, подчиняясь малейшему мысленному импульсу. Пришлось постоять немного, чтобы разобраться с ощущениями, но спустя буквально пару минут, Анна уверенно двинулась к повозке.

Тарантас не имел специальных скамеек для пассажиров, поэтому импровизированное сиденье было собрано из пары поставленных друг на дружку чемоданов, укрытых коровьей шкурой.

– Я просила у его светлости медвежью, – пожаловалась камеристка, приставляя к борту короткую лесенку. – Говорила: вдруг холодно будет в старом-то имении? Не дал.

– Обойдемся. – Анна взобралась на чемоданы. Села поудобнее. Накинула на плечи лежащую в мятой раковине свернутого тента шаль. Задала вопрос, ответ на который знала и так: – Из-за ноги он со мной на самом деле разводится, да?

Герцог мог хоть десяток любовниц иметь на стороне, но развод...

Развод был обусловлен иной причиной. Простой и банальной. Сколько раз Анна наблюдала подобное в своем мире. Скольких «любимых» жен благодарные супруги отправляли в утиль, стоило тем заболеть или покалечиться...

Все тут ясно и понятно: герцогу увечная жена не нужна. Не по статусу! С такой и в свет не выйти, и в постель не лечь...

От мысли о «супружеском долге» с неизвестным, чужим мужчиной у Анны по спине пробежал холодок. Она расправила рюши на подоле, прикасаясь к правой ноге с невольной благодарностью. Уж лучше эльфийский протез, чем очередной муж-предатель под боком.

Мариса кряхтя влезла на длинные дроги – мощная рама повозки выходила далеко вперед, – потопталась на них, удобнее собирая поводья, села на низкий облучок. Обернулась.

Причмокнула лошадям:

– Ну, пошли, мои хорошие! – Пегие коняги дружно налегли, утягивая поскрипывающий тарантас к ближайшему холму. Полуобернувшись через плечо, камеристка призналась вдруг: – Я боялась, что уж эта-то новость, про ногу, вас подкосит, а вы, госпожа, будто еще бодрее стали?

– Нога ходит – и ладно, – отшутилась Анна. Поинтересовалась, желая разрядить напряженную обстановку: – Долго нам до Драконьего дола ехать?

Мариса взгляделась в плавные изгибы далекого леса.

– К закату будем.

Лошади шли шагом.

Дорога была неровной: где заросла бугорками осоки, где оцетинилась камнями и корнями. Вдоль пути стояли плакучие березы. Изредка попадались и пестрые молодые сосенки. Торчали так и тут из плотной травяной шкуры глыбы белого известняка. Где-то вдали мелодично и звонко пела река.

Повозка выехала из перелеска и двинулась через поле. Трясти почти перестало. Лошадки прибавили ходу.

Анна смотрела на резную, чуть подсушенную ранней осенью полынь, на пушистую вату отцветшего кипрея, на желтые кисти золотарника. На подрощенный выводок перепелок, выбежавший к повозке из норки травяного лабиринта и тут же скрывшийся с глаз в соседнем темном ходе.

Локоны, выбившиеся из строгой прически, приятно щекотали шею и щеки.

– Как же здесь хорошо! – произнесла она вслух.

Мариса отчего-то не поделила ее восторга. Натянула поводья и остановила лошадей.

– Тпр-р-р. Стойте. – Она взгляделась в дальний край поля. Нахмурилась и помрачнела. Буркнула под нос короткое: – Проклятье...

– Что случилось? – забеспокоилась Анна.

– Едут. Сюда, – туманно пояснила камеристка. – Только их не хватало...

Анна поняла, куда та смотрит. В золотисто-зеленой дымке плыли к ним через поле едва различимые фигуры всадников.

– Кто это? – спросила она.

– Эльфы, госпожа, – донеслось в ответ.

В голосе Марисы звучала нескрываемая тревога.

Анна постаралась выяснить ее причину:

– Встреча с ними принесет нам какие-то проблемы?

– Кто их знает? – пожалала плечами камеристка. – Просто они людей не особо жалуют.

– Тут их земли?

– Нет. По соседству. Выше и ниже по течению реки. Но ездят они везде без преград. По чужим землям тоже. У них с нашим королем особый договор.

– Понятно, – мрачно кивнула Анна и приготовилась к встрече.

Всадники стремительно приближались. Над колыханием травы один за другим вычёртились стремительные силуэты охотничьих собак, что неслись во главе кавалькады. Белые борзые с глазами, похожими на синие кристаллы, подбежали первыми и окружили повозку.

Пегий мерин, правый в упряжке, прижал уши и неловко попятился, опасно вывернув дышло.

– Тпр-р-р, спокойно! – скомандовала испуганному животному возница.

Анна не боялась собак, но эти, эльфийские, вызывали у нее невольную оторопь. Крылось в их платиновых силуэтах, в остро вытянутых мордах, в мерном кружении вокруг тарантаса какое-то кровожадное, почти акулье спокойствие. И превосходство. Они настигли добычу и знают, что жертве не уйти...

Неприятное такое ощущение.

– Фу! А ну отойди! Нельзя! – прикрикнула Анна на самую активную из собак, когда та попыталась сунуться под дышло и цапнуть перепуганного мерина за пушистые бабки.

Борзая послушалась и отступила, буравя Анну сапфировым взглядом. Анна ощутила, как прокатилась по позвоночнику короткая волна адреналина. Собака могла укусить. Лошадь могла понести...

Как эхо того ужаса, что пережила предыдущая хозяйка тела...

Всадники подъехали, окружили, нависли со всех сторон. Вид их оказался более чем впечатляющим. Длинноногие лошади возносили седоков так высоко, что Анне и Марисе пришлось закинуть головы, чтобы взглянуть в их лица. Светлые волосы рассыпались водопадами по широким плечам. Блестели узоры на легкой броне. Мягко струились плащи цвета припорошенной первым снегом травы у четверых, морозно-синие у двоих.

Всего всадников было шестеро.

Эльфы...

Нечеловеческая красота мешалась в них с таинственной, скрытой жутью. Шесть пар глаз всех оттенков зеленого оглядели Анну с ледяным высокомерием.

– Кто вы такие и что здесь делаете? – спросил один из эльфов.

Вышивка на его плаще была самой богатой. Сбруя лошади блестела серебряными клепками. Анна решила, что он, должно быть, является предводителем отряда.

– Я герцогиня Анна Лирнийская, – представилась она, искренне надеясь, что произнесла свое новое имя и титул правильно. – Это моя камеристка. – Кивнула на притихшую Марису. – Я еду в Драконий дол. Там мое родовое имение. У вас ко мне какое-то дело? Зачем вы остановили меня?

Анна решила подняться для убедительности.

В этот момент одна из собак все-таки бросилась – встала на задние лапы и, перекинувшись через борт тарантаса,хватила Анну зубами за правую ногу...

– Нельзя! – прикрикнул эльф-предводитель. Собака тут же отскочила и послушно села в сторонке. – Так, значит, вы жена лирнийского герцога? И что же заставило вас покинуть Лирн? Одну?

– Дела. Личные. – Анна с трудом укротила взметнувшийся в груди вихрь возмущения. Резко расправила порванный подол. Чего этому любопытному эльфу надо? Лучше бы за животными своими следил... – Это все, что вас интересует? Я ответила на ваши вопросы? – поинтересовалась она холодно.

– Вполне. – Эльф хищно прищурился. – Я доложу о вас господину.

Сказав это, он круто развернул коня, свистнул собак и поскакал прочь. Его спутники последовали за ним.

– Ни «до свиданья» тебе, ни «извините», – не удержалась от возмущения Анна.

– Что вы, госпожа! – обернулась с облучка Мариса. – Разве ж эльфы будут перед людьми извиняться? Мы для них, что мыши. Даже благородных, вроде вас, они с собой на одну ступеньку не ставят. – Она облегченно выдохнула. – Уехали, и слава небесам... – Потом вспомнила про атаку борзой и разволновалась: – Сильно вас эльфийская псина-то тяпнула?

– Нет. Моя нога ей не по зубам оказалась, – прозвучал ответ.

– Ну и хорошо, – обрадовалась камеристка, успокоив: – А платье я вам почию. – Крикнула лошадям: – Но! Пошли, мои хорошие!

Повозка тронулась.

– Что это за отряд был? – принялась выяснять Анна. – Кто они такие? Охотники? Солдаты? Почему носят броню?

– Это егеря, – пояснила Мариса. – Они служат эльфийским князьям. За всем тут следят, все вынюхивают, все разведывают. Разбойников ловят, если те в окрестностях появляются.

– Это хорошо, что ловят. – Анна задумчиво оглядела острый гребень леса впереди. – Места тут довольно глухие... А кому они о нас доложить хотят? Князю?

– Князьям. Их тут трое поблизости. Судя по разному цвету плащей, эти егеря из разных отрядов. Случайно, видимо, объединились.

– А что, разбойников тут много? – продолжила Анна свои расспросы.

– Захаживают, говорят. А еще по реке на кораблях проплывают. Пока король с князьями договор не заключил, разбойникам и пиратам тут раздолье было. Теперь – нет.

Дорога углубилась в смешанный подлесок. Колеи пошли ямами. Затрясло так, что Анна чуть язык себе не прикусила.

Мариса направила лошадей к замшелому валуну, притаившемуся у берез. Остановила. Спрыгнула на землю.

– Разве мы приехали? – удивилась Анна.

Она огляделась в поисках хоть какого-то жилья, но на него и намека не было. Кругом молодые деревья стояли плотной решеткой, и щетинилась на высоких кочках трава.

Мариса принялась распрягать лошадей, поясняя:

– Дальше придется пешком. Дороги нормальной до имения нет. Лошади пройдут, но без повозки.

– Почему нет? Как же так? – удивилась Анна.

– Большой мост обвалился, когда река Великая из берегов вышла, – пояснила спутница и, решив, что герцогиня не хочет долго шагать на своих двоих, успокоила: – Ничего, госпожа. Тут близко уже. Рядом.

Она принялась распрягать лошадей, да так умело и быстро, что Анна невольно восхищалась такой сноровке:

– Ты так ловко со всем управляешься.

– Я ж в деревне выросла, – польщенная похвалой, засияла Мариса. – Вашей матушке силой и ловкостью приглянулась. Я ведь и готовить, и убраться, и дров нарубить-натаскать – все могу. Не белоручка.

Анна улыбнулась:

– Я вижу.

На секунду засомневалась: можно ли в такой ситуации помочь? Нормально ли это для герцогини? Глянув на то, как камеристка одна тягает с тарантаса тяжелые чемоданы, мысленно махнула на субординацию рукой.

Лишних зрителей нет, а с Марисой она как-нибудь объяснится.

– Ну что ж вы, госпожа... Как можно... – испугалась та, когда Анна пришла на помощь.

– Все нормально. Мы ведь вдвоем тут. Помочь больше некому. Чем быстрее вещи перегрузим, тем быстрее доедем. Я поскорее до дома добраться хочу. Сил нет лишнюю минуту тратить.

– Ага... – согласилась Мариса удивленно и возражать более не стала.

Она отстегнула и отвязала упряжь, вывела лошадей из-за дышла. Достала со дна тарантаса выучные седла с крючьями для поклажи по бокам.

Вместе с Анной они водрузили вещи на спины животных и в поводу повели тех по тонкой тропе вниз с пологого холма.

Метров через десять им попались припрятанные в кустах черноплодки маленькая двуколка и большая подвода.

– Чье это? – спросила Анна.

– Ваше... В том смысле, что из имения, – растолковала камеристка. – Лошадей сюда приводят по мосту и запрягают, если куда выехать надо. На подводе, должно быть, камень с каменоломни возят. Если еще возят... Я тут давно была, когда мост целый стоял. А сейчас как и что – не знаю. Я ведь все последние годы при вас, в Лирне провела...

– Значит, тут и каменоломня есть?

– Да. По берегам Великой раньше многие белый камень добывали, но последнее время вода стоит высокая. Большую часть прежних шахт затопило...

Дорога все тянулась.

Путниц окружили непролазные заросли звонкого осинника, чуть прореженного юными соснами. Там и тут выходили из-под травы и мха белесые хребтины известняка. Попадались по пути одичавшие яблони, увешанные зелеными и желтыми плодами. Кусты калины в алых гроздьях зажигали на листьях всполохи первого осеннего пламени.

В кронах берез пересыпалось золото.

Эльфийский протез держался крепко и удобно ступал по каменистым изгибам когда-то проезжей дороги, ныне выродившейся в тонкую тропку. Нога была будто своя, только онемевшая, не чувствующая боли, как под заморозкой.

Вскоре они дошли до глубокой балки с каменными голыми склонами. По ее дну, невидимый в растительной густоте, тек ручей. Вода звонко переливалась, перекликивалась с трелями птиц.

Над ручьем горбатился валунный мост весьма неприветливого вида. Исполинские камни образовывали арку. Они упирались друг в дружку так прочно, что для их скрепления не требовался раствор.

Однако левый край моста был сильно поврежден, отчего все его прохождение полотно сузилось так, что идти пришлось гуськом.

На другой стороне моста ютились дома. Бодренькие, деревянные. Мало отличающиеся по виду от тех, что стояли еще в захолустных деревеньках Анниного родного мира.

– Ну вот и дошли. Чуть-чуть осталось, – сообщила Мариса, указывая на короткую улочку.

Домов было шесть.

Они стояли напротив друг дружки, по три с каждой стороны.

Улочка упиралась в ряд высоких дубов, за которыми маячило какое-то неопределимое на первый взгляд темное сооружение.

– Нам туда? – Анна догадалась, что имение там, за величественными деревьями находится.

– Туда, – подтвердила камеристка.

Заметив гостей, из домов высыпали люди. Несколько мужчин и женщин. Стайка детей. Они выстроились рядком и опустили головы, кланяясь вернувшейся хозяйке.

Анна не привыкла к подобным почестям, поэтому смутилась.

И не придумала ничего лучше, чем просто поздороваться:

– Добрый вечер, – сказала первой.

– Здравствуйте, госпожа. Добро пожаловать, госпожа, – стали приветствовать ее жители деревеньки. – Добро пожаловать в Драконий дол...

– Заберите лошадей и разгрузите поскорее, – попросила Мариса. – Госпожа устала.

Навстречу вышла пожилая женщина, седая и круглоглазая, как полярная сова. Она поправила лежащий на плечах паутинистый платок.

Сказала:

– Дом готов к приезду госпожи. Печи затоплены. Ужин горячий. Вода для ванной согрета.

Кто-то спешно забрал из Аннинных рук лошадиные поводья.

– Пойдемте, госпожа, – позвала Мариса.

Анна последовала за камеристкой. Она шла молча, делая вид, что полностью погружена в себя. Все эти люди, должно быть, знали прежнюю Анну довольно хорошо. Лучше быть немногословной.

И про амнезию свою сообщить, когда придется к слову...

Пока они шли к дубам, за которыми, по всей видимости, крылся особняк, Анна мысленно составляла список вопросов, чтобы задать при удобном случае Марисе и быть в курсе дел.

Про деревню. Про жителей. Про каменоломню. Про то, как все здесь было раньше. Про пожилую женщину, провожающую их. Нужно срочно узнать ее имя.

И имена всех остальных людей, по возможности...

Под ногами из травы проступили бледные каменные плиты в узорной резьбе. В сырых желобках между ними густо вырос мох.

За строем дубов показались стены дома.

Темное сооружение, замеченное первым, находилось чуть ближе особняка. Это была пирамида неясного назначения. Метра три в высоту. Метров пять в поперечнике...

Интересно, зачем она тут?

Глава 2. Камни и тайны

Расспрашивать Анна не стала.

Какая разница? Может, это подсобное помещение какое-то. Или погреб.

У пирамиды был нависающий карнизом зев-арка, в полукруге которого прятались дверь и два замурованных узких окошка...

В конце короткой аллеи нарисовался дом.

Он стоял торцом к тропе, поэтому Анна не сразу обнаружила подвох. Увидела, лишь когда дорожка обогнула длинное крыло и уткнулась в ступени главной лестницы.

Величественное здание в два этажа почти растеряло персикового цвета штукатурку. Там и тут на его элегантном фасаде проступали, как старые шрамы, белые пежины известняка.

Одно крыло, то самое, которое они втроем только что обошли, выглядело целым. От второго остались одни развалины. Груда камней, покрытых мхами, сквозь которые проросли молодые дубки.

Центральная часть, увенчанная широким крыльцом-террасой, пока стояла, но выглядела довольно безжизненно. В пустоте темных окон читалось смирение перед неизбежным разрушением.

Дом умирал.

Но все еще сопротивлялся.

В оставшемся живом... то есть жилым крыле теплилась надежда на возрождение. Стекла в окнах были целые, и красовались на обшарпанных подоконниках цветы.

– Добро пожаловать, госпожа. – Пожилая провожатая склонила голову.

Будто она виновата.

Мариса пораженно застыла, приложив к сердцу широкую ладонь.

– Как же так, Ирма? Я особняк еще целым ведь помню...

«Значит, ее зовут Ирма», – отметила для себя Анна.

Ирма потопала по земле кожаными башмаком.

Сказала:

– Шахты обрушаются. Те, что под деревню ушли.

Анна невольно глянула себе под ноги, будто прямо в тот миг должна была разверзнуться под ними жадная подземная бездна.

– Много ль народу на каменоломне сейчас работает? – спросила Мариса.

– Откуда ж многим взяться? Шесть дворов в деревне всего-то и осталось, – донесся печальный ответ. – Шесть семей. Работают в шахтах по очереди. По очереди в соседнее село на подработку ходят. Хорошо, что Орра есть. Она и ее звери – наше все.

Анна не стала расспрашивать у Ирмы про таинственную Орру, решив выяснить все у Марисы чуть позже.

Дубовые двери распахнулись, открывая взгляду разруху. Потолок центральной части обвалился и переломил хребет длинной галереи, тянувшейся в оба крыла вдоль второго этажа.

В левое, уцелевшее, вела арка.

С невидимой пока кухни тянулся восхитительный аромат куриного бульона с базиликом.

Они прошли по длинному коридору.

Он был светел, чист и полон жизни. Отштукатуренные стены покрывала фисташковая краска, нанесенная разнотонными широкими полосами. Справа и слева висели картины: по большей части портреты каких-то людей.

Они чередовались с пейзажами. На некоторых узнавалось имение. Вот странная пирамида. Вот мост и дорога. Вот дом – еще целый: торжественный, новый, с крыльями, раскинутыми, будто для объятий...

Какой он был красивый когда-то.

Столовая находилась в конце крыла и имела отдельный выход в сад...

Туда, где некогда был сад.

Сейчас о его наличии напоминала лишь пара утонувших в траве каменных вазонов. Раньше тут имелась веранда. Теперь на ее существование намекали едва заметные остатки фундамента и деревянный лом под слоем вездесущего мха.

У стола, накрытого кораллового цвета скатертью, хлопотала молодая черноволосая девушка.

– Накорми госпожу, Джина, – скомандовала Ирма.

Девушка поклонилась, приветствуя хозяйку.

– Здравствуйте, госпожа. Добро пожаловать. Ужин готов. Изволите отведать?

– Да, спасибо. – Анна склонила голову в ответ.

Поймав удивленный взгляд Марисы, она сделала вид, что поправляет волосы.

Нет, не выйдет из нее знатной госпожи. Не привыкла она к тому, что ее все вокруг обслуживают и перевозносят.

Придется что-то придумать...

Суп оказался даже вкуснее, чем представлялось из аромата. И чай, заваренный из трав – Анна четко определила лишь мяту, чабрец и эстрагон, – согрел не только тело, но как будто и душу.

– Отведайте пирожков, госпожа, – произнесла Ирма, подталкивая огромное блюдо пышущей жаром выпечки. – Дочка моя пекла. Она в деревне лучшая кухарка.

Анна взяла один пирог, откусила. И правда вкусно!

С яблоком и черноплодкой...

Глядя, как, вытянувшись по стойке смирно, ждут ее вердикта пожилая провожатая и ее усталая дочь, Анна не выдержала:

– Это нам, – сказала, отложив на тарелку три пирожка. – А остальное раздайте в деревне детям.

– Вам не понравилось? – побледнела Джина.

– Что ты! Очень понравилось, – успокоила девушку Анна. – Вкусно – пальчики оближешь. Пусть детишки тоже порадуются в честь моего приезда. – Она внимательно оглядела мать и дочь. – Вы, как я вижу, сильно устали? Идите домой, отдохните.

Женщины, пожилая и юная, переглянулись. После чего принялись уточнять:

– А как же госпожа будет мыться? А раздеваться? А волосы чесать?

– Я сама с этим справлюсь, – объявила Мариса.

Она уже привыкла к странностям госпожи и, по всей видимости, списывала все на потерянную память.

Когда старательные селянки ушли к себе, настало время объясниться.

Смирившись с тем, что быстро войти в роль герцогини-белоручки со своими привычками она вряд ли сможет, Анна придумала неплохую легенду, удобную и почти правдивую:

– Послушай, Мариса, – сказала она камеристке. – Мне нужно открыть тебе одну тайну.

– Какую? – живо заинтересовалась собеседница.

– Тебе, наверное, кажется, что я себя немного странно себя веду после того, как память потеряла?

– Да, – не стала отпираться камеристка. – Пожалуй что...

– Дело в том, что в последнее время мне снились сны, будто я – вовсе не я, а другая женщина. И живу не здесь, а в другом мире, совершенно отличном от этого... нашего, то есть. И теперь я все, как ты знаешь, забыла. Кроме этих снов.

Уф-ф... Анна выдохнула и с надеждой посмотрела на Марису. Поверит – не поверит? Совесть за обман почти не мучила, ведь по сути это не было таким уж страшным враньем. Былая жизнь на самом деле стала чем-то вроде сна.

Была ли она вообще?

Была...

Наверное.

Здесь, в новой, яркой, волшебной и молодой реальности драматичное прошлое совсем потеряло краски и размылось, обернувшись печальной серой грезой.

Мариса отхлебнула чаю. Глаза ее горели интересом.

– Расскажите, что там видели, госпожа? В ваших снах? Они, наверное, о-о-очень необычные!

И Анна рассказала.

Про город, полный самоходных повозок и спешащих по своим делам людей. Про многоэтажные многоквартирные дома. Про подземные норы метрополитенов. Про жизнь в трехкомнатной квартире без слуг.

– Как же господа и без слуг-то? – ахнула камеристка. – А ванну набрать? А камин растопить? А ужин подать? А лампы зажечь и потушить?

– Там в каждом доме... – Анна замялась, подбирая простые слова, чтобы описать привычные радости коммунального быта. Сыпать незнакомыми терминами она не хотела. Попыталась объяснить на пальцах. – Что-то вроде особой магии...

Камеристка все спрашивала и спрашивала. Анна рассказывала.

Под конец, когда за окнами повисла бархатная осенняя ночь, Мариса спохватилась:

– Что ж это я вас, госпожа, все болтовней своей беспокою? Спать давно пора. Путь выдался тяжелый. Пойдемте в ванную скорее, чтобы грязь дорожную смыть, и... – Она смущенно потупила взгляд. – Знаете что? Можно ли дать вам один совет?

Анна заинтересовалась:

– Конечно. Какой?

– Вы бы записали это все. Про чудеса и странности эти. А то сотрется из памяти и пропадет. Сны ведь имеют свойство постепенно забываться. Жалко будет. Может, что-то вроде дневника заведете? Вдруг это потерянную память восстановить поможет?

– Спасибо за совет. Я подумаю. – Анна вспомнила о том, что изначально планировала поменьше говорить и побольше слушать. Поэтому стала спрашивать про Драконий дол и его жителей: – Кто такая Ирма? Почему она за все отвечает?

– Она староста в поселении и временная управляющая в имении. Раньше здесь был наемный управляющий, но потом уволился. Все уволились, когда разрушился мост и ваши родители перестали сюда даже изредка заезжать. Ходят слухи, что ваш папенька хотел Драконий дол продать за ненадобностью, но матушка ваша напомнила ему про один древний документ, в ее роду со времен прабабки хранящийся, который продажу запрещает. Совсем.

Анна заинтересовалась:

– Почему?

Мариса честно призналась:

– Того не ведаю...

Чуть позже, лежа в ванной, Анна обдумывала слова Марисы и никак не могла разобраться в своих чувствах к собственному прошлому. С одной стороны, оно несло боль последних минут жизни и ужас предательства. С другой, было в той жизни и много всего хорошего, чего не хотелось забывать.

Анна вплелась взглядом в синее кружево узоров на белом потолке. Нарисованные русалки и тритоны не могли подсказать решение.

Она вытянула искусственную ногу и положила на край. Не это ли настоящее чудо? Протез не нужно снимать. Можно мыться прямо с ним – и ничего. Она подвигала ступней, замороженно наблюдая, как повинуется мысленным импульсам блестящий шарнир.

Все-таки ей повезло с этим миром. Нужно наладить новую жизнь и прожить ее так, чтобы ни о чем не жалеть.

Анна повернулась к стене и улыбнулась собственному отражению.

Ванную с трех сторон окружали высокие зеркала. В них отражались закрытая дверь, кофейный столик рядом с диваном, шкаф с полотенцами, трюмо с десятком разноцветных баночек и пузырьков и большой камин, тепло которого напитывало все помещение ароматами экзотических масел и трав.

Пришла Мариса. Подала сначала полотенце, потом тяжеленный пушистый халат.

Отвела в спальню.

В мягком свете фонарей-ночников кровать под складками нависшего балдахина сама казалась пещерой.

В комнате было свежо.

За чуть приоткрытым окном ночь прорывалась переливчатым пением близкой реки. И шелестом листьев, уже местами подсохших и поэтому звонких...

Занавеска вдруг колыхнулась, и что-то заметалось в ней, путаясь в ткани.

– Ай! – Мариса схватила оставленное Анной полотенце и собралась шлепнуть им незваного гостя.

– Подожди.

Анна видела их прежде.

Летучих мышей.

Когда-то безумно давно, в походе, одна запуталась в волосах. Было нестрашно. Шекотно... И Лариса Чалова, жена председателя их турклуба, женщина совершенно бесстрашная, до безумия увлеченная природой, выпутывала рвущееся на свободу создание из Анниной шевелюры.

Та мышь была изжелта-серенькая, с белым брюшком, с прозрачными длинными ушками, с острой розовой мордочкой и смешными пальчиками-крючочками на пергаментных крыльях. Оказавшись в человеческих руках, она оскалила крошечные зубки и тут же была отпущена на свободу.

Лариса Чалова сказала, что это, должно быть, ночница...

Анна бережно освободила местную мышь из западни. Она тоже оказалась белобрюхой и длинноухенькой. Только была больше той, прежней.

Раза в три...

И эта мышь не сердилась. Она внимательно смотрела на Анну бусинками глаз, покорно ожидая, пока ее выпустят в окно.

– Ну и страшилище, – нахмурилась камеристка.

– Это ночница. Наверное... – повторила Анна слова Ларисы Чаловой. – Должно быть, прилетела из подземных гротов.

Мариса затворила оконную створу, защелкнула медный шпингалет.

– Вот так-то лучше. Ложитесь, госпожа, спать. Что-то мы засиделись совсем.

Часы в резной оправе пробили полночь.

В деревне залаяла собака, и в ответ ей со стороны берега прилетел надрывный жутковатый звук.

– Кто это? – спросила Анна.

– Гиены, – рассказала Мариса и успокоила: – Они ручные. Домашние. Их Орра держит.

- А кто такая Орра?
- Орчиха. Работает в каменоломне. Для их народа скалы и подземелья – дом родной. Анна изумленно вскинула брови.
- Хочу с ней поскорее познакомиться. А где она живет?
- Ее дом стоит отдельно от деревни. Чуть дальше. У берега Резвянки, на тропе, что ведет к шахтам. – Мариса подошла к резному комоду на высоких медных ножках, достала из ящика мягкое ночное платье, подала. – Вам помочь переодеться?
- Спасибо. Справлюсь сама, – отказалась Анна.
- Камеристка почему-то усомнилась:
- Точно?
- Анна убедила ее:
- Да. Хочу чувствовать себя дееспособной, понимаешь? – Она красноречиво постучала костяшками пальцев по искусственной ноге. – Мне это нужно. Хочу заново в себя поверить и жить полной жизнью.
- Я понимаю, – закивала камеристка. Предположила робко: – Это другая женщина из снов так на вас повлияла?
- Почему ты так решила? – поинтересовалась Анна в свою очередь.
- Потому что... – Мариса помрачнела, потупила взгляд и видимо пожалела о сказанном. – В общем-то, неважно. Главное, что теперь вы столь жизнерадостны и бодры, что я больше не боюсь за вас...
- Больше не боишься? Как это понимать? – насторожилась Анна. Она легко справилась с ночнушкой и теперь по привычке подыскивала вешалку для халата. – Что не так? Расскажи мне, прошу.
- Ох, госпожа... – Камеристка забрала халат с тяжким вздохом. Направилась к встроенному в стену платяному шкафу с овальными зеркалами на створах и деревянной головой оленя по центру. Зашуршала там. Ее голос звучал приглушенно из одежных дебрей. Она не хотела поворачиваться и смотреть хозяйке в лицо. Но и молчать не могла. Говорила: – После того, как его сиятельство объявил, что вас высылает, вы плакали день и ночь. Вы страшные вещи говорили. Что убьете себя. Что не сможете жить с таким позором. Что калекой быть не хотите... – Она не выдержала и разрыдалась, уткнувшись лицом в еще влажную после ванной ткань. Запричитала: – Простите, госпожа... Простите...
- Мариса, ну что ты... – Анна растерялась. Поспешила к камеристке и обняла ее за плечи. Стала на ходу подбирать нужные слова. – Это я сгоряча тогда... От расстройства. Посмотри на меня. Я уже в порядке, видишь?
- Вижу, – шмыгнув носом, всхлинула Мариса. Испуганно взглянула на залитую слезами одежду. – Ох, госпожа. Простите...
- Ничего страшного, – успокоила Анна, забирая несчастный халат. Лягнула на автомате: – Я завтра стираю.
- Вы стираете? – Мариса округла глаза. – Сами, что ли?
- У нас слуг нет, – снова оконфузилась Анна, повторив любимую фразу своей матушки. Мариса испугалась:
- А как же я? Вы меня прогоняете, что ли?
- Нет, что ты! Это просто поговорка такая. – Пояснение родилось само собой. – Из сна. Привязалась...
- Надо меньше говорить.
- А то все из-за стресса проклятого. Из-за рассеянности.
- И старости. Ведь в душе она до сих пор парализованная старуха из двадцать первого века с плохой памятью и грузом предательства на душе.
- Как ни крути.

Что ж...

Но не это расстраивало Анну и наводило на темные мысли. Другое. Пазл последних дней жизни прежней хозяйки тела складывался в пренеприятнейшую картинку. Никакой там, в пути, не приступ был, похоже...

Неужели прежняя Анна решилась на подобное?

Господи... Бедная... Бедная девочка!

Голос Марисы вырвал из капкана ужасных мыслей.

– У той женщины, из сна, наверное, все в жизни было легко и прекрасно? – предположила вдруг камеристка. – Наверное, у нее там хорошая жизнь, замечательная семья и верный муж. Так?

– Нет, – с горечью призналась Анна. – Муж поступил с ней так же, как герцог со мной. Выкинул больную за ненадобностью. – Она печально улыбнулась. Добавила, с теплом вспомнив родителей, подруг, племянников и племянниц, их детей, любимых собак и кошек, зачитанные до дыр книги, походы, поездки, работу, праздники, дачу, увлечения и все остальное. – Впрочем, в остальном жизнь у нее действительно отличная была. Ты права.

В тот же миг она почувствовала, как неподъемный груз вселенской усталости давит на плечи каменной плитой. Захотелось прекратить непростой разговор, уснуть и забыться.

Хотя бы просто лечь.

– День у вас трудный выдался, – поняла все без слов камеристка. – Ложитесь. А то я вас совсем заболтала.

Анна спросила с надеждой:

– Ты будешь рядом?

– В соседней комнате, – раздалось в ответ.

Она легла на кровать. Закуталась в тяжелое одеяло, пахнущее сухим ментоловым разнотравьем. Мелисса, мята, котовник... Всего и не разберешь. Закрыла глаза, окунаясь в баюкающие звуки дикой ночи.

Здесь не было места привычным городским шумам. Не гудели машины. Не играла музыка в ночных барах туристического центра. Не стрекотали у окраин стремительные поезда.

Тут все было иначе.

Резвился в кронах деревьев ветер. Совы звали кого-то во тьме, и, как нежная арфа, пела река.

Сон утопил в черном киселе небытия, а потом прорвался агонией чужой умирающей памяти. Анна увидела перед собой высокого мужчину с хищным орлиным носом и серебром первой седины в шоколадных кудрях.

– Ты мне больше не жена! – кричал он, и в уголках его рта собиралась пена. – Уходи прочь! Видеть тебя больше не желаю!

– Ты не можешь меня выгнать, Генрих, – сами собой шептали губы Анны. – Ведь я люблю тебя. Я твоя жена. Сам Его величество благословил нас Благодатью... Не прогоняй меня. Прошу!

– Не дави на жалость, Анна. – Мужчина брезгливо поморщился. – Мне не нужна увечная женщина в доме. Как я с тобой в свет выйду? Как станцую на балу? Как поеду на охоту? Надо мной все смеются. Одноногая жена – посмешище и позор!

– Но... – Несчастливая герцогиня с трудом сдержала рыдания, рвущиеся из груди. – Но ведь мы же хотели держать все в тайне. И заказали у эльфов новую ногу, чтобы...

– Тайна раскрылась! Все! – Ключья пены с усов супруга отлетели и упали на подол длинного платья прежней Анны.

Она невпопад закончила начатую фразу:

– ...чтобы ты меня не стеснялся. Чтобы все думали, что я такая же, как была... – Всклипы рвали ее и без того нездоровое дыхание. – Но тайна раскрылась... – повторила она за мужем

обреченно. Тут же спохватилась. Зататорила с надеждой: – Давай скажем, что все это дурные слухи. Сплетни. Болтовня. Я лучшее платье надена. Буду блистать. Никто не посмеет сказать, что твоя жена уродлива и недостойна тебя. Я не оступлюсь ни на одном вальсе. Никто не заметит...

– Твоей увечности не скрыть, как ни старайся. – Голос герцога лязгал сталью. Он нервно дернул верхней губой. С отвращением. – И дело не только в приемах и балах. Не только в разговорах за моей спиной, насмешках и сплетнях. Я не могу на тебя смотреть спокойно, Анна! Мне неприятно. Ложиться в постель... Тошно. Одноногая жена. Тьфу! Это просто отвратительно. Пойми же ты это наконец!

И Анна Сергеевна Орлова всей кожей ощутила ужас своей обреченной предшественницы.

Ее боль.

И отчаяние.

Спустя миг картинка сменилась новой. Прежняя Анна рыдала в спальне, повторяя, как мантру, что все еще может быть хорошо. Что муж передумает, отойдет, возродит в сердце давнюю страсть и всю ту нежность, что дарили они когда-то друг другу.

Бедняжка все вспоминала былые дни, все раскладывала их в памяти кадрами. Вот три года назад, когда герцог вернулся из военного похода весь израненный, она выхаживает его сама. Отсылает горничных и сиделок. Накладывает повязки, поит из ложки заживляющими отварами, по ночам не смыкает глаз...

Верная жена.

Хорошая жена...

Любимая!

И муж тогда казался благодарным. Он говорил: «Ты у меня лучшая. Я никогда тебя не брошу, не предаю. Мое сокровище...»

Новая Анна ощутила, как душу стягивают черные щупальца томительной ярости. И легкие переполняются воздухом, как меха подземного горна, кормящие темный огонь, неукротимый и непобедимый.

Картинка опять сменилась.

Прежняя Анна вновь появилась, но пока что была весела и беззаботна. Цела. События происходили раньше жестокого герцогова предательства и болезненного разрыва.

Новая Анна скакала верхом на лошади по лиственный лесу. Где-то вдаль, почти за гранью слышимости, пел охотничий рог. И гончие вторили ему. Замысловатые трели их голосов слышались то справа, то слева.

Молодая герцогиня ликовала, проносясь сквозь сети теней, рожденных хитрой игрой листьев и солнечного света.

Лошадь всхрапывала. Мотала головой.

Ей что-то не нравилось.

И Анна Сергеевна была с лошадью согласна. Она, глядя на происходящее с высоты сна, тоже ощущала стягивающую пространство тревогу.

Хотелось крикнуть прежней Анне: «Стой»... Как в фильме ужасов – не ходи туда!

Не ходи...

Тень, плотно сбитая, увесистая, налетела слева. Лошадь испуганно прянула в сторону, соскочила с дороги, вскинулась на дыбы, споткнулась о поваленный ствол и рухнула на валуны, покрытые обманчиво мягким мхом.

Прежняя Анна вылетела из седла и больше не встала.

Последним, что успела заметить беспомощно наблюдающая за происходящим Анна Сергеевна, стала подступающая к герцогине тень...

Она проснулась в холодном поту и закричала на весь дом. Ногу пронзила тупая боль, а душу – горькая и острая, как игла, безысходность.

Мариса первой прибежала на шум, растрепанная и перепуганная.

– Что случилось, госпожа? – выкрикнула она, свирепо озираясь по сторонам. В руке камеристки угрожающе кривилась каминная кочерга. – Кто посмел вас обидеть?

– Никто, – ответила Анна, едва справляясь с дыханием. Она прокашлялась, протерла ладонями глаза. – Просто сон страшный приснился... И я вспомнила ту охоту. И нашу с мужем ссору...

– Бедная моя госпожа. – Мариса захлопотала у кофейного столика. Налила в высокий стакан воды из графина. Подала. – Выпейте и успокойтесь. Обезболивающей травы заварить?

– Не нужно.

Анна прижала к груди ладонь. Полусон-полуявь никак не хотел отпускать. Ребра ходили ходуном. Сердце прыгало за ними, как пойманная птица. И черные щупальца, рожденные яростью, все тянулись... тянулись из несуществующей дали. Упрямо прошивали реальность, притягивая ее силой к больному небытию злого прошлого.

И все кругом беспокоило, нервировало.

Пугало.

Анна невольно глянула вверх. Под куполом балдахина собралась в густое облако непроглядная тьма. Она пульсировала и вздрагивала, будто живая.

Она была рождена той яростью из сна.

– Ох, госпожа... – Мариса тоже заметила изменения в спальне и чуть не выронила из рук графин. – Какая магия-то страшная...

– Это я сотворила? – поинтересовалась Анна неуверенно.

– Видать, само сотворилось из ваших чувств, – тихо предположила камеристка. – Такое бывает. Правда, редко очень. Но бывает. И даже у тех, кто без дара. Подобным образом обычно проклятья рождаются: вот разозлится человек или обидится так, что всякий контроль над чувством потеряет, тогда и сотворится прямо из мыслей его неукротимых некая опасная штука... Только проклятье на кого-то сразу цепляется, а это... – Она опасливо взглядела в кусок ожившего мрака. – Это будто само собой существует и никого не трогает... Но вы лучше в гостиную на диван перелегте. От греха. Я сейчас быстренько перестелю.

Анна пробуравила тьму взглядом.

Нестрашная все-таки. Какая-то родная. Своя.

– Не перестилай, – попросила Марису. – Я тут останусь. Так надо.

– Тогда кричите, если что, – посоветовала камеристка. – Я стрелой примчусь.

– Я знаю.

Когда взволнованная Мариса ушла к себе, Анна легла на спину. Уставилась в центр подрагивающего мрака. Стоило повести взглядом слева направо, и темные волны покорно повторили движение. Когда зрочки Анны описали круг, тьма тоже закрутилась водоворотом и какое-то время продолжала вращаться, словно заведенная.

Игра с неизвестностью моментально вымотала, и Анна не заметила, как уснула. Больше ее не тревожили ни чужие воспоминания, ни ночные кошмары.

Пробудилась она рано.

За окном горела румяная заря. Солнце, почти дозревшее, обливало сдобным золотом сонные гребни лесов.

В столовой тихо говорили Мариса и, кажется, Ирма...

Да. Точно, Ирма.

Анна встала легко, лишь на миг удивившись странному чувству в правой ноге. Будто онемела вся. Затекла.

Ах, так ее же нету... Точно! Забыла с непривычки после сна.

Первая ночь в новом мире все-таки.

Она накинула поверх ночнушки халат, собрала в быстрый узел растрепавшиеся за ночь волосы. Длинные такие... Их бы обрезать. Интересно, тут носят короткие прически? Хотя бы каре?

Поправив выпавшую прядь, посмотрела на себя в овальное зеркало платяного шкафа. Коснулась отражения. На всякий случай.

Сказка продолжается?

В столовой уже было накрыто. Дышала жаром овсяная каша в перламутровом с синей каймой фарфоре. Пах сиренью крепкий чай, сдобренный сахаром и молоком. Лежали во фруктовнице спелые яблоки и сливы.

Анна почувствовала себя неловко.

В прошлой жизни для нее обычно никто не готовил завтраков. Все она делала сама. Для себя и для Ивана...

Взглянув на застывших у стола женщин и одинокую тарелку, она предложила:

– Присаживайтесь. Позавтракаем вместе. Берите тарелки, а то тут всего одна...

Ирма застыла столбом, не понимая, шутит госпожа или нет. Мариса же все поняла и подыграла Анне.

– Садись скорее. – Она пододвинула пожилой управляющей стул перед тем, как убежать за дополнительными тарелками. – Просто госпожа не любит завтракать одна. Ей так проще. Ну ты понимаешь... – крикнула из кухни.

Судя по выражению лица, Ирма не понимала, что происходит. Но и не спорила.

Анна похвалила угощение и собралась отдать яблоки деревенским детишкам.

– Да много у нас их в этом году, – успокоила ее Ирма. – Оставьте, госпожа. Спасибо за доброту, госпожа. И позвольте, я уже пойду...

– Конечно, – кивнула Анна.

– Там Орра вас ждет. Вы же хотели познакомиться? – напомнила Ирма перед уходом. – Я Джину пришлю, чтобы проводила.

Попросив Марису подыскать в гардеробе что-нибудь удобное, простое и немаркое, Анна быстро сполоснула посуду, пока камеристка не видит. Взваливать дополнительную работу на и так загруженных женщин было стыдно.

Она думала, что Мариса не заметит, но та заметила. Покачала головой.

– Что же вы сами-то? Ладно я... Но что другие скажут, если увидят?

– Да всего-то пару тарелок помыла, – шепотом возмутилась Анна.

Что она делает? Оправдывается, как школьница, перед служанкой? От этой мысли стало весело, и Анна рассмеялась так беззаботно, как не смеялась уже давно.

Очень давно...

– Ну раз мытье посуды делает вас такой счастливой, – заулыбалась Мариса, – можете хоть все тут перемыть. Я не возражаю. Для душевного здоровья же!

Переодевшись в охотничий костюм – длинную тунику с разрезами на бедрах и узкие, легко тянущиеся штаны, Анна сразу почувствовала себя увереннее. Высокие сапоги-ботфорты скрыли увечную ногу. Плоские подошвы позволили уверенно стоять на земле.

Тяжелую теплую шаль на плечи – и Анна готова.

Джина пришла по распоряжению Ирмы, чтобы сопровождать госпожу в путешествиях по имению и показывать дорогу, куда попросят.

Хотя холодное дыхание грядущей зимы и проскальзывало, утро выдалось теплым. В его лучах даже покореженный дом не выглядел грустно, как вчера вечером. Живое крыло поблескивало окнами и пестрело цветами. Вокруг нашлись клумбы, полные хризантем, астр и георгинов. Их лепестки пылали, напитанные осенним огнем.

Белки, как искры костра, метались по окрестным деревьям, ожидая угощения.

Мариса прихватила с кухни лесных орехов и бросила в траву.

– Пойдемте, госпожа. Туда... – поторопила Джина.

Она провела Анну мимо надломленной скамейки и пары высоких раковин-вазонов, увитых мраморным виноградом, местами облупившимся.

За строем лип вздымалось на гребне обрыва круглое сооружение с широкой лестницей, крышей-куполом и балконом по периметру.

– Что это? – спросила Анна.

– Родовая усыпальница, – ответила камеристка.

Анна насторожилась:

– Склеп?

– Вашей прабабки, – принялась разяснять Джина. – Там больше никого из родни вашей нет. Да и прабабкин саркофаг вроде как пустой стоит... Никто не проверял, но ходят такие слухи.

– Куда же она делась? – Анна внимательно осмотрела сооружение.

– Того не ведаю, – развела руками провожатая. – Давно ведь дело было...

За усыпальницей начинался пологий склон. Он уходил к ручью на дне балки, столь густо заросшей молодой порослью осины, ореха и ольхи, что резвую воду было только слышно.

Не видно.

Дом Орры стоял на самом краю. Упирался сваями в поросшие травой камни. Зависал над зеленой звенящей бездной. От него вдоль берега ручья шла узкая сырая тропка.

Гостий никто не встречал.

– Орра точно дома? – уточнила Анна, на что Джина ответила ей:

– Да. – И добавила тут же: – Вы только не пугайтесь их.

Два крупных зверя выбрались из-за приоткрытой двери домика и с громким улюлюканьем помчались навстречу. Их рыжие пятнистые шкуры дополняли картину палящей осени.

Опавшая листва разлеталась из-под мощных лап.

Подбежав к Анне, Марисе и Джине, звери загоготали, захрюкали на разные лады и принялись с интересом обнюхивать пришедших.

Обе зверюги оказались огромными, как пони. Их спины были широкими, будто кресла, а пасти казались бездонными колодцами.

Гиены...

Анна никогда не видела их прежде вживую. Только в передачах про природу Африки. Там эти звери выглядели не столь внушительно.

Анне гиены нравились, пусть многие и считали их существами неприятными. На полке с самого детства стояла любимая книга Джейн Гудолл. Бочка, Кровавая Мэри, Миссис Браун... Имена любимиц великой исследовательницы до сих пор сидели в памяти. Гудолл писала о гиенах с уважением и безграничной любовью, рассказывала о том, какие они успешные охотницы, заботливые матери и верные подруги... А в одной из познавательных передач показывали город в Эфиопии, где гиены и люди живут бок о бок. Хищники ходят по улицам, кормятся у мясных лавок отходами и никого не трогают.

Удивительное дело.

Одна из прибежавших гиен дружелюбно потерлась об Аннину искусственную ногу и смешно закрутила толстым кургузым задом. Анна почесала ее, как чесала в прошлой жизни знакомых собак и кошек. Подействовало. Неугомонная животина вся извертелась от радости, стала подставляться то грудью, то мордой, то шеей, неохватной, как столетнее дерево.

– Ты добрая, да? – похвалила ее Анна.

Вторая гиена взвыла бензопилой и принялась оттеснять первую, чтобы получить свою порцию почесушек.

– Аша! Бонту! Хватит! – грозно выкрикнул кто-то.

Гиены послушно отбежали в сторону и сели, выжидаяще глядя на крыльцо.

Из дома вышла зеленокожая женщина, высокая и мускулистая. На ней была кожаная жилетка без рукавов и широкие холщовые штаны, заправленные в рабочие ботинки. В трещины на обуви, обитой по краю металлом, вьелась белая пыль.

– Я Орра, – представилась великанша. – Вы хотели меня видеть, госпожа?

– Да. Рада познакомиться, – произнесла Анна. – Я о тебе слышана.

Орчиха улыбнулась, обнажив длинные нижние клыки.

– И что говорят?

– Что работаешь хорошо и подземелье знаешь, как свои пять пальцев.

– Знаю, – подтвердила Орра.

Анна попросила:

– Покажешь мне каменоломню?

– Отчего не показать? Идите за мной. – Орчиха кивнула на блестящую тропу, завивающуюся в мареве молодого подлеска. – Шагайте осторожно. Это скользкий путь.

Они углубились в наполненную тенями влажную полутьму леса. Тропа тянулась по краю обрыва, узкая, в один шаг. Корни змеями ложились под ноги. На дне балки наконец-то показался стремительный, увитый кудрями порогов ручей.

Вскоре путь вывел к реке. Ручей умчался на простор большой воды с веселым звоном. Крутой скалистый берег оперился густой травой и стал еще выше.

Анна застыла, пораженная пейзажем.

Река Великая несла свои воды с северо-запада на юго-восток. Ветер разметал по волнам белые барашки пены. Вода была темна, и беззаботное бирюзовое небо преображалось в отражении, становясь свинцовым, грозным.

Как ни странно, Анну не пугали ни гиены, ни клыкастая хмурая орчиха, ни опасная тропа, слети с которой вниз – и костей не соберешь. Дивная земля, раскинувшаяся вокруг, восхищала и порождала в душе почти детское ликование.

Как давно Анна не радовалась утру. Не шла вперед в ожидании приключений и чудес. После инсульта она вообще не думала про будущее. Оно стерлось, исчезло, обратившись тоскливым серым туманом. Ожиданием чего-то плохого, о чем не хотелось думать...

– Это единственный путь? – поинтересовалась Анна, с трудом удерживая равновесие на скошенном склоне.

Наклон тропы вынуждал хвататься за гриву растущей по правую руку травы, чтобы не скатиться под берег.

– Единственный, – подтвердила Орра.

В отличие от остальных, орчиха шагала вперед уверенно, как по удобному тротуару. Ее гиены разделились. Одна рысила впереди, вторая замыкала шествие.

– Как же тут лошади проходят? – поразились Анна.

– Наши – никак, – донеслось в ответ. – Груз возят они. – Орра указала на своих зубастых питомцев. – Пещерные гиены. Спины у них крепкие, лапы устойчивые, характер покладистый. Так и живем.

– Не представляла, что они могут возить грузы.

– Они многое могут, – усмехнулась Орра. – Они очень умные, сильные и смелые.

Услышав похвалу, гиены радостно загудели и заухали, закивали лобастыми головами.

– Здесь добывают только известняк? – продолжила Анна свои расспросы.

– Раньше, когда вода стояла ниже и под склоном была дорога, обходились им. Подводы приезжали даже из Норвина. Брели крупные камни для дворцов и общественных зданий. А теперь... – Тропа привела на круглую полянку, отгороженную от бездны под обрывом парой корявых сосен. Напротив виднелся низкий, заросший травой вход под землю. Орра загадочно

прищурила темно-карие с красными отблесками глаза. – Теперь, чтобы прокормиться, придется искать что-то особенное. – Спросила, кивая на вход: – Желаете взглянуть, госпожа?

Анна не успела ответить. За спиной послышался шум. Дробный топот сотряс почву, и гиены предостерегающе заквахтали.

– Ты же говорила, что лошади тут не проходят? – непонимающе уточнила Анна.

– Так то обычные, – отозвалась орчиха. – Эльфийским все нипочем. – Она взглядела в летящие по краю обрыва светлые силуэты, разочарованно покачала головой. – И чего им дома не сидится? Одни проблемы от них...

Анна напряглась. Предыдущая встреча с эльфами ей не понравилась.

Совершенно.

Глава 3. Осенние визиты

Они надвигались неумолимо – три холодные пугающие тени.

Даже лошади под ними будто плыли, будто крались, готовясь к смертоносному броску.

Трое...

И выглядели они совсем не так, как те, что встретились по дороге к имению.

Всадники оказались на поляне перед входом в грот гораздо быстрее, чем Анна рассчитывала. Все, что она успела, – это выступить вперед, закрывая спиной своих спутниц, и застыть перед равнодушной мордой эльфийского коня.

Эльф, едущий первым, натянул повод. Два его соратника обогнули его каким-то немислимим образом. Лошади виртуозно разошлись на тонкой неудобной тропе. В результате Анна, Мариса, Джина, Орра и гиены оказались окружены со всех сторон.

Эльфийские кони были невероятно высоки. Тонконогие и элегантные, они внушали неосознанный трепет.

Гиены разнервничались, пригнули головы к земле и начали угрожающе подвывать. Орра предусмотрительно взяла их за загривки.

Приказала сквозь зубы:

– Тихо. Нельзя.

Да уж. Ситуация...

Анна быстро и внимательно взгляделась в лица пугающих незнакомцев.

Тот, что выехал на поляну первым, казался ледяной статуей. Его лоб венчал узорный обруч из белого металла. Платиновые волосы, блестящие и прямые, без единого завитка, тяжело лежали на широких плечах, укутанных белым плащом с зеленой каймой. Из-под плаща сверкал драгоценным блеском неведомый металл легкой брони.

– Леди Анна Лирнийская? – поинтересовался он.

Склонил голову. На острые скулы легла серебристая тень.

– Или вы уже Анна Кларк? – надменно добавил его соратник, застывший по правую сторону. Лисий взгляд зеленых глаз скользнул по Анниной шее, по груди, по бедрам, по скрытому голенищем сапога протезу. – Как в девичестве?

Этот эльф явно был осведомлен об Анниной семье и прошлом. И смотрел он хитро, с опасным прищуром, будто задумал что-то недоброе. Весь его напыщенный, не к месту нарядный вид вызывал недоверие. И эти золотые локоны, кудрявым водопадом ниспадающие на широкую спину. И витиеватая вышивка, украшающая каждый миллиметр одежды. И томный блеск тяжелых перстней на длинных пальцах. И аромат благовоний, от которого голова кружилась... И его лошадь, застывшая в миллиметре от обрывистого края поляны. Буквально балансирующая над бездной. Розовая и голубоглазая, она выгибала лебединую шею и позвякивала подвесками из горного хрусталя, прикрепленными к золотой сбруе.

– Я Анна из Драконьего дола, – объявила Анна, стараясь держаться спокойно. Она прокрутила в памяти те скудные обрывки знаний о мире и новой себе, что у нее имелись. Эльфы ее знали. А вот она их вроде бы нет. Поэтому... – С кем имею честь говорить, хотелось бы знать?

– Меня зовут Лоран Барагунд, – в голосе «холодного» эльфа прозвенел металл.

– Элерис Селебрин, – расплылся в улыбке лисьеглазый.

– Райве Эвершейд, – подал голос третий незванный гость.

Его одежда смотрелась заметно проще, чем у остальных. Спину укрывал неброский серый плащ. Пепельные волосы были довольно коротки – только-только закрывали крепкие плечи. Темные глаза имели оттенок морской бури. Они таили желтые искры в своих глубинах. И серебристо мерцала на широкой груди броня.

Как ни странно, во взгляде этого эльфа не было ни холода, ни коварства...

Он ничего не говорил прежде и, представившись, снова замолчал.

Самый суровый из троицы, Лоран, ударился в расспросы:

– Что вы делаете тут в столь... – он брезгливо поморщился, – неприглядной компании?

Анна нахмурилась.

– Что делаю? Осматриваю свои земли. – Она нарочито громко и медленно произнесла «свои». – А вы что делаете рядом с моей каменоломней?

– Прогуливаемся, леди. Не более того, – бархатным голосом промурлыкал Элерис и прищурился еще хитрее прежнего. – Вы же в курсе, что ваш король не против таких прогулок?

– В курсе, – ответила Анна, пристально наблюдая за эльфами и пытаясь понять, чего на самом деле они добиваются.

Более всего они походили на хищников, окруживших добычу, но до конца пока не решивших – стоит атаковать или нет?

Что будет, если они решат, что стоит?

Анна быстро подсчитала собственные силы. Она сама... Пусть тело новой Анны выносливо и молодо – это вовсе не делает ее достойной воительницей. Еще и нога искусственная... Мариса и Джина тоже обычные женщины. Орра и ее питомцы – единственные, кто сможет дать отпор.

Пожалуй...

Но до этого дойти не должно.

Ни в коем случае!

Словно почуяв Аннино волнение, одна из гиен, кажется, Аша, – та, что побольше размером, – смело шагнула вперед, заставив лошадь Лорана неловко попятиться.

– Держи своих тварей на коротком поводке! – грубо прикрикнул эльф и ожег орчиху морозным, полным ненависти взглядом.

– Это вам следует впредь надевать на своих собак намордники, – вступилась за подопечных Анна. – Одна из них укусила меня за ногу и порвала платье.

– И как нога? – приторным тоном поинтересовался Элерис.

– В порядке, – бросила Анна сердито.

Лисьи глаза на миг скрылись в тени золотистых ресниц. Коварная улыбка растянулась шире.

– Какое утешение... Это была моя собака, так что примите мои извинения. Такого больше не повторится.

– Принимаю, – ответила Анна со всей возможной бесстрастностью.

– Я пришлю вам новое платье. – Голос эльфа зазвучал медовее прежнего. – Лучше, чем было.

Анна отказалась.

– Спасибо, но ваше платье мне не нужно. Оставьте себе.

Элерис хотел что-то еще сказать, но Лоран перебил его.

– А теперь, леди, я хотел бы поговорить с вами серьезно. – Он спешился и приблизился вплотную, навис бледным айсбергом. – Отвечайте честно, не укрываются ли в Драконьем доле разбойники?

В вопросе крылся нехороший намек.

– Разбойники? – Анна о них понятия не имела. Единственное, что могла гарантировать, так это то, что лично она никаких разбойников нигде не прячет. Этого еще не хватало! – Нет.

– Вы уверены в этом? – настойчиво уточнил Лоран.

– Уверена. – Анна устала от неприятного разговора. От напряжения. От гнетущего недоверия, повисшего между нею и эльфами. – Мне нечего вам сказать по поводу разбойников.

– Тогда просто будьте бдительны, леди, – предупредил Лоран, легким движением возвращаясь в седло. – Кровожадные головорезы – бич этих мест... Всего хорошего.

Он коротко кивнул на прощание и направил скакуна к противоположному краю поляны. И дальше по тропе вниз по течению реки.

Элерис и Райве молча последовали за ним.

– Слава подземному огню, они от нас отстали, – с облегчением произнесла Орра, когда эльфы скрылись за небольшим мысом.

– Куда они поехали? – поинтересовалась Анна, глядя им вслед.

– К броду, – ответила орчиха. – Они всегда делают большой круг. У Лорана охотничьи угодья чуть выше по течению, чем ваше имение. У Элериса – ниже. Там. – Она махнула на мыс. – Жилые усадьбы стоят на противоположном берегу. И дом Райве тоже.

Анна спросила:

– Эти эльфы... Кто они такие?

– Лоран Барагунд – племянник верховного короля Эвердейла. Элерис Селебрин – дальняя родня нынешней королевы. Оба богаты и влиятельны. Оба носят княжеский титул. Райве Эвершейд – дворянин из обедневшего рода. Про него я мало чего знаю.

– Понятно. – Анна задумчиво сцепила пальцы. – Я им явно не понравилась. В особенности этому Лорану... Интересно знать, почему?

– Дело не в вас, – пояснила орчиха виновато. – Во мне. Он командовал эльфийской конницей во время войны с Балларой. Орков ненавидит... Из-за этого и рассорился с вашим отцом. Ведь ваш батюшка, граф Кларк, не стал убивать пленных орков, а взял их в работники, оставив живыми... Меня в том числе.

Анна хотела расспросить подробно, но пока не стала. В глазах Орры вспыхнула и погасла пережитая боль. Да и чего расспрашивать? Все понятно. Орра – пленница в Драконьем доле. Если не сказать хуже...

Рабыня?

Надо будет переговорить с ней потом с глазу на глаз. Выяснить все детали и подумать обо всем...

– Госпожа... Эй, госпожа! – Голос орчихи вытянул из мысленного омута. – Пойдете со мной в шахту? Не боитесь?

Анна кивнула.

Темный зев подземелья не пугал ее. В прошлой жизни она пару раз лазила по пещерам и особого дискомфорта под землей не испытывала.

Гиены нырнули во тьму первыми, за ними Орра.

– Сначала я, – строго объявила Мариса, не пуская Анну следом.

Джина, побледневшая и испуганная, попросила робко:

– Можно я не пойду с вами, госпожа?

Подземелья не все переносят. У многих тесные норы, залитые до краев первозданной тьмой, вызывают неосознанный, непреодолимый ужас.

Анна с таким сталкивалась, поэтому вошла в положение несчастной Джины и отпустила ее в имение. Та обрадовалась, побежала назад бегом, пообещав приготовить к возвращению госпожи лучший обед.

Натерпелась, бедняжка...

В памяти всплыли стальные глаза Лорана. Его голос, сочащийся скрытой угрозой. И ядовитая галантность Элериса, так похожая на завуалированную издевку... А ведь эти жуткие эльфы еще вернутся.

Как пить дать, вернутся!

Первый грот каменоломни ослепил чернотой. Лишь неровное пятно дневного света лежало у ног, как коврик в прихожей.

Но вот тьму прожгли угольки гиенных глаз.

И взгляд Орры.

Мариса тихо выругалась, споткнувшись о невидимый камень.

– Не двигайтесь, – предупредила орчиха. – Сейчас будет свет.

Несколько раз громко хрустнуло огниво, рождая всплески жидких искр. Два раз они загорались и гасли, пожранные жадным мраком.

На третий загорелся факел в руке Орры. Она обвела им небольшой грот. Нависали со всех сторон серые стены. Впереди виднелся проход, подпертый почерневшим от времени просмоленным бревном. Под ногами хрустел песок.

Орра повела Анну с Марисой вперед, в самое сердце каменоломни.

По пути она рассказывала, что раньше вход, через который они попали под землю, был высотой почти в два человеческих роста, и через него спокойно проезжала вагонетка, запряженная парой лошадей. И дорога была хорошая, но потом река затопила все, занесла песком и илом.

– Потолок над самой головой. Вот. – Высокая Орра вытянула вверх руку. – Можно коснуться. Но лучше не надо. Теперь тут все шаткое. Ненадежное. Рухнуть может... – Она предусмотрительно указала на опоры. – Их лучше тоже не трогать. – Они миновали длинный коридор и оказались в круглом зале, поделенным надвое высокой стенкой из камней величиной в кулак. – Здесь больше глыбы брали, – продолжила рассказ провожатая. – Бут даже не вывозили. Складывали прямо тут...

– Мы не заблудимся? – поинтересовалась Мариса. В безмолвной каменной глубине она ощущала себя неуютно, но ради госпожи была готова терпеть любые лишения. – Как ориентироваться?

– Очень просто. – Орра весело сверкнула клыками, желтыми в масляном свете. – Всегда смотрите на стены. Там номера гротов, подписи и стрелки.

Факел выхватил черную цифру на стене. Кривую восьмерку начертили углем. Чуть поодаль виднелась надпись: «Круглый зальчик».

Анна прочла ее и впервые за все время своего пребывания в новом мире задумалась о местных языке и письменности. Какое счастье, что она все понимает и читает автоматически.

Интересно, получится ли писать по-местному?

Надо будет попробовать.

– Подписи хороши, когда есть свет, – скептически подметила Мариса. – Не хотела бы я оказаться тут без факела.

– Подойдите сюда, – подозвала Орра, опускаясь на пол. Анна подошла первой, присела возле орчихи. Та разгребла песок и пыль, вытащила из-под них нитку, протянутую вдоль стены грота. Провела по ней пальцами, что-то отыскивая. Нашла, наконец. – Вот, госпожа. – Матово блеснули две бусины. Большая и маленькая. – Если света нет, ориентироваться приходится по нитям. Они во всех освоенных ходах протянуты. Маленькая бусина всегда находится со стороны выхода наружу. Запомните это.

Анна пообещала:

– Запомню.

И они двинулись дальше.

Шли, пока из глубин пещеры не начали доноситься звуки.

– Что это? – спросила Анна.

– Добыча идет, – гордо пояснила Орра. – Там, впереди, новые выработки в крепкой скале... – Туннель, по которому они шли, растроился. – Двадцать семь. – Орчиха постучала по жирно обведенной цифре. – Запоминайте номер. За ним начинается самый новый из коридоров. Я сама прорубала. Вот этими руками.

Она показала спутницам ладони, зеленые и мозолистые.

– Ты сказала, что теперь в каменоломне добывают не известняк, а нечто другое? – напомнила Анна.

Орра упорно не раскрывала интригу до последнего.

До конца длинного туннеля, в котором на одном из перекрестков метнулась в лица идущим одинокая летучая мышь.

И блеснул на стене белый в прозрачных слезах кристаллов беллерофон. Нежный завиток древнего окаменевшего моллюска выглядел таким родным. Анна протянула руку и погладила его по округлому панцирю.

Кристаллы царапнули пальцы.

Про беллерофонов Анне рассказывала все та же Лариса Чалова. Показывала их на отвалах в старом карьере, где они лазали всей компанией в поисках очередных приключений. Там, где безжалостные машины отняли у земли целый пласт известняка, в котором пряталась чудная живность каменноугольного периода: окаменевшие моллюски, кораллы и губки.

Подобного беллерофона в россыпях кристаллов Анна притащила домой в качестве сувенира, заказала к нему застежку и носила на платье как брошь...

– Нравится? – довольно прищелкнула языком Орра, наконец-то раскрывая тайну. – Их и добываем. Только крупных! Не такую мелочь... И другие ракушки тоже. Чего тут только нету...

Коридор закончился небольшим гротом, посреди которого высилась гора крупных окаменелостей. Глядя на них, Анна подумала, что, верно, эволюция на этой планете... в этом мире шла примерно тем же путем, что и на ее родине. Интересно, в какой момент здесь что-то пошло иначе, и появились на свет эльфы, орки и... Кто тут еще-то есть?

Под руку ласково сунулась Бонту.

Пещерные гиены. Они, кстати, тоже давно вымерли на Земле. А тут, выходит, живут?

Путь распался на два хода. Один подсвечивался серым светом, похожим на дневной. Орра выбрала второй, хранящий темноту, чуть позолоченную пламенем факела.

В открывшемся гроте работали мужчина и женщина. Анна видела их во время приезда. Теперь они осторожно выбивали из лежащей на полу известняковой глыбы бурых моллюсков в блестках.

Заметив хозяйку имения, труженики прекратили работать и склонили головы в приветствии.

– Здравствуйте, госпожа.

– Здравствуйте. – Анна оглядела бледные стены, испещренные панцирями ракушек-брахиопод. – Значит, здесь добывают древние окаменелости?

Пока что она слабо представляла, какой от всей этой древности может быть промышленный толк. Ну не в музее же это все потом сдают?

– На них на алхимическом рынке сейчас хороший спрос. Считается, что эти штуки способны здорово усиливать магию. Их во всякие зелья и артефакты с этой целью добавляют, – рассказала Орра.

Анна о таком варианте как-то не подумала. А ведь здесь законы природы другие.

Хоть и похожие, на первый взгляд.

Местами...

– И как? Помогает? – Анна обошла грот по кругу. – Магия становится мощнее?

Внутри родилось странное предвкушение чего-то неизвестного, захватывающего и пугающего одновременно. Как в детстве перед тем, как запустят под тобой скоростную трясучую карусель в городском саду.

– Я про такое слышала, – вступила в разговор Мариса. – Вроде как оно работает. Сила древности и все такое... Правда, у меня знакомых магов отродясь не водилось, так что говорю по слухам.

– Люди помешались на магии, – иронично заметила Орра. – Вот только способности к ней есть у немногих из вас. Уж извините, госпожа.

– Да я-то что? – пожала плечами Анна. – Я не в обиде.

Мужчину и женщину, бьющих камень, звали Фим и Ида. Муж и жена, они работали в каменоломне с утра и до обеда. Приходили сюда дважды в неделю, чередуясь с другими семьями. Иначе было не выжить. Камни больше не приносили деревне достаточных средств для пропитания, и жители крутились, как могли: сажали скудные огороды, собирали все, что можно, в лесу на продажу, готовили из диких яблок дешевый сидр и отвозили на ярмарку.

После полудня и до вечера всю работу под землей брала на себя орчиха. Ей это, кажется, даже нравилось. А Анна пришла в ужас. Люди в таких плохих условиях живут и трудятся!

Надо что-то предпринимать. Жаль, изменения не внести сразу, ведь сейчас она сама, пусть и госпожа, ходит по краю.

Вернувшись домой, Анна долго думала про камни, местную нищету и собственное мрачное будущее.

Осенние листья, с шелестом падающие на подоконник, недвусмысленно намекали на приближение зимы. И надо будет как-то к ней готовиться.

Денег в Драконьем доле нет. Урожайных земель тоже. Раньше деревню кормила каменоломня, но теперь... Ни перспектив, ни нормальных условий.

Что делать?

В любом случае первым делом надо добыть достаточно провизии на несколько суровых месяцев, а для этого необходимы средства. Чудесные раковины— это, конечно, хорошо...

Но мало.

Развод...

Анна сердито прищурилась, вспомнив гневный рассказ Марисы об удержанных муженьком-предателем драгоценностях и лошадях. Вернуть бы их... Продать. Каретная пара вряд ли пригодится в этих скалах, а вот выручить за породистых коней хоть какие-то деньги – уже неплохое начало.

И украшения.

Что там герцогиня на балы и приемы надевала? Точно не бижутерию.

Так что...

Она позвала Марису и начала серьезный разговор.

– Мне нужно вернуться в Лирн.

– Зачем? – Голос камеристки дрогнул. – Вы уверены, госпожа, что сможете выдержать это снова... Встречу с ним?

– Придется выдержать, – твердым тоном объявила Анна, ловя себя на лукавстве. К герцогу она испытывала лишь холодное презрение. Нет. Плакать и страдать она точно не будет. – Я уже успокоилась и готова поговорить о разводе серьезно. Хочу выяснить все детали и нюансы.

Знаний о мире катастрофически не хватало. Да что там о мире, о себе самой! Анна ведь даже не представляет, на что в принципе имеет право претендовать.

Мариса грустно поинтересовалась:

– И когда вы хотите это сделать?

– Как можно скорее. Завтра, например.

Анна была столь решительна, что камеристка не стала спорить.

– Завтра так завтра.

– И скажи, пожалуйста, мои родители осведомлены о случившемся?

Это было важно. Родня должна быть в курсе Анниных бед. И кстати, почему несчастная герцогиня направилась в эту глушь, а не в отчий дом? Неужели там тоже плохо?

Или не приняли?

О таком не хотелось думать. Одно дело – муж бросил. Другое – семья.

– Я отправила им письмо, – рассказала Мариса. – Они написали в ответ. Ваша матушка очень переживала, что не может принять вас или приехать. Проклятая болезнь тому виной. Лесная чума. Уже в трех деревнях по тут сторону озера Ги проявилась. Жуткая напасть... Теперь имение ваших родителей отрезано и от Лирна, и от столицы. Обе дороги, ведущие до Кларк-холла, перекрыты.

Вот оно что. От услышанной новости Анна испытала волнение и облегчение одновременно. Родители ее не предавали – что отрадно. Рядом с ними бушует неведомая опасная болезнь.

Страшно...

– Маргарет тоже в курсе, что с вами произошло, госпожа, – добавила камеристка. – Помочь она вам не может, но очень переживает. – Вспомнив про хозяйскую забывчивость, пояснила: – Ваша младшая сестра. Она живет в Норвине.

– Напиши ей, что я добралась до Драконьего дола, – попросила Анна. – Родителям тоже. И попроси у них список приданого. Хорошо?

– Поняла, – кивнула Мариса и побежала выполнять поручение.

Утром плану Анны сбыться не удалось – поездка сорвалась.

С рассвета зарядил сильный дождь. Небо навалилось на крышу, массивное и сизое. По черепицам свирепо молотили капли, силясь прорваться в теплое нутро старого дома. У некоторых получалось. Мариса с Джиной ходили от течи к течи, подставляя кастрюли, тарелки, тазы и ведра. Холодный ветер налетел с севера и грубо пригладил подпалую шкуру леса, пригнул деревья к самой земле. Река – ее было видно из мансарды – чернела, как смоляная.

Мариса переживала:

– Надеюсь, почтовые птицы успели улететь подальше от этой бури.

Анна тоже надеялась.

И на то, что непогода вскоре уймется, тоже.

Чтобы не сидеть без дела, она отыскала в доме маленькую библиотеку и взялась за книги. Изучить новый мир досконально за вечер вряд ли выйдет, но нужно хотя бы начать. Узнать хоть что-нибудь.

Мариса принесла сладкий чай и тягучий калиновый джем с постным хлебом. Зажгла тяжелую лампу. Поставила на стол. Анна устроилась в старом кресле, укрыла плечи лохматой серой шалью и принялась просвещаться.

Огромные толстые фолианты, испещренные мелкой рябью букв, наводили тоску одним видом. Анна открыла предисловие к «Энциклопедии мира» и тяжело вздохнула...

Это только первый том!

Но она быстро втянулась. Даже не заметила, как за окном догорел закат.

Дождь прошивал струями темноту, но Анне было не до него. Несмотря на довольно строгий научный стиль, читалась книга легко. Шуршали страницы. Мелькали под пальцами материи и океаны. Рисунки с представителями диких рас – вымерших и современных.

А по поводу эволюции она предположила верно!

До появления разумных существ дела шли примерно так же, как на Земле. Тут был свой палеозой со всей той океанической примитивной живностью, что отыскивалась теперь в Орриной пещере. И даже свой мезозой с подобием динозавров...

А вот дальше начиналось самое интересное. Катаклизм, что на Земле погубил великих ящеров, тут породил магию. История пошла по своему пути.

И теперь здесь жили не только люди, но и эльфы, и орки, и...

Страница перевернулась. С черно-белой миниатюры глянуло жуткое создание, мало похожее на разумное, но...

И в тот же миг в прихожей раздался шум. Топот. Разговоры на повышенных тонах.

Отложив книги, Анна быстро спустилась на первый этаж.

Там стояла Орра, взволнованная и серьезная. По капюшону грубого плаща стекала вода.

Мариса в спешке гасила лампы, а Джина тушила печь.

Суматоха пугала и тревожила.

Анна спросила:

– Что случилось?

– Нужно срочно погасить весь свет, – коротко ответила орчиха.

– Да что произошло-то?

Орра пояснила:

– По реке идет корабль. Скорее всего, разбойничий. Если с него увидят свет от жилья и дым из труб, могут заинтересоваться. А нам это надо?

Анна согласилась:

– Не надо. – И потянулась за накидкой, висящей на оленьих рогах, прибитых к стене.

– Вы куда собрались, госпожа? – всплеснула руками Мариса.

– Проверить остальные дома в деревне. Вдруг не все в курсе, что надо таиться и прятаться?

Она произнесла это столь решительно, что камеристка не стала спорить.

Анна набросила на голову капюшон и следом за орчихой выскользнула в ночь.

Без капли света старый парк казался черной бездной. На миг Анна застыла, потерявшись в пространстве, но голос Орры, требовательный и серьезный, тихо позвал с дорожки.

– Идите за мной.

Рядом бесшумно возникли гиены. И глаза начали распознавать оттенки серости, посеченной чуть ослабшим дождем.

– Сначала проверим деревню, а потом пойдем на берег. Посмотрим, что да как, – сказала Анна.

– Хорошо. Деревенским я сказала. – Орра обогнула темную пирамиду. – Час назад мои гиены занервничали. Повели меня к реке мимо входа в гроты и дальше за мыс. А там корабль. Идет медленно, не торопясь, почти против ветра на парусе, но все равно... Они ведь смотрят, разбойники эти. К крутым берегам в лесах вряд ли пойдут, незачем, но если заметят деревеньку, зуб даю, наведуются. А так, в темноте, проползут выше по течению, туда, где берег пологий, да пристанут на отдых. От Драконьего дола уже далеко будут. Не тронут.

– Там ведь эльфийские владения. Этого, как его... Лорана? – Анна ступила в лужу и поскользнулась. Чуть не упала, но удержалась, крепко упершись в землю искусственной ногой. – И егеря?

– Вот и я так подумала... – Глаза Орры подсветились оранжевым и погасли. – Не боятся они егерей, похоже... И не прячутся, вот что странно. Хотели б скрыться от лишних глаз – летели бы на веслах. Непростой то корабль. Ох, непростой...

Они выбрались из-под свода деревьев. Деревня будто вымерла. Ни звука, ни огня...

Шлеп-шлеп-шлеп.

К ним бежала Джина.

Сумрачного оттенка башлык слетел с ее головы и хлестал по спине. Низкие кожаные сапоги с широкими голенищами были велики: шлепали шумно по пяткам, застревая в гряды.

– Мы все сделали, как ты сказала, – отчиталась Джина. Указала на притихшие дома, совершенно безжизненные под холодным дождем. – Свет погасили. Печи тоже. И собак в комнатах спрятали, чтобы не лаяли.

– Хорошо, – прорезала напряженный сумрак скупая похвала. – Иди. И ждите. Тише воды, ниже травы. Я сообщу, когда проплывут... А если все плохо будет, вы нас с гиенами услышите. Тогда бегите.

– Поняла. – Джина послушно кивнула и скрылась за ближайшим забором.

– Ну что, взглянем на гостей незваных, госпожа? – бодро спросила Орра.

Теперь она казалась совсем спокойной. Даже расслабленной.

Даже чуть-чуть веселой...

– Пойдем.

Анна ощутила будоражащий укол адреналина где-то в районе солнечного сплетения. Будто все внутренности разом поджалась и расслабились. А еще недавно она переживала о бедности и плохих условиях труда.

Оказывается, есть и похуже проблемы...

Орра первой ступила на тропу. Лес, что казался днем прозрачным и цветным, ночью превратился в прошитый насквозь тропой клубок непроглядного мрака. Звенел на дне балки ручей.

Резвянка. Кажется, так его тут называли...

Они дошли до устья и спрятались в зарослях бузины. Выходить на открытый берег Великой было опасно.

Дождь утих.

Корабль был рядом.

Широкий и длинный, он шел, жадно глотая парусом оскудевший ветер. Фонари на бортах качались, дергались на волнах нервные пятна света.

– Совсем не прячутся, – шепотом возмутилась Орра. – Огни сияют, как на королевской праздничной галере.

Анна пригляделась. На носу корабля суетились люди. Протягивали в сторону берега длинные палки с фонарями на концах.

Она предположила:

– Что-то ищут.

– Похоже на то, – согласилась орчиха.

Корабль поравнялся с укрытием. Выглянула из-за туч мутная, в разводах, луна. Ее слабый свет очертил странную гору в центре палубы. Сперва показалось, что это просто какой-то груз, сваленный кучей и укрытый рогожей...

...или огромной шкурой...

Но вдруг загорелись у края кучи два алых огня. Поднялась вверх громадная тупомордая башка с обрывками коротких ушей. Вздрыбнулась холка. Мускулистые лапищи напряглись...

Анна вздрогнула, узнав монстра с миниатюры.

Только здесь он был не схематичен, не загнан в сети орнамента из листьев и цветов.

Он был реален.

Он был близко.

Совсем рядом...

Орра и Анна выдохнули с облегчением, когда корабль миновал их укрытие и, не сбавляя скорости, пошел вверх по течению. Дальше.

Они подождали полчаса, чутко вслушиваясь в плеск воды и тихие голоса странных незнакомцев. Звуки удалялись и вскоре стали неразличимы.

Разбойники уплыли.

Не тронули их.

По пути домой Анна принялась расспрашивать орчиху об увиденном.

– Что это было за чудовище на палубе?

Она же так и не успела прочесть ответ в книге...

Орра ответила вопросом на вопрос:

– А вы что, госпожа, никогда прежде не встречали полосатых псов?

– Не встречала, – честно призналась Анна, искренне надеясь, что орчиха не сочтет сей факт странным.

Та и не сочла.

– Повезло. В спокойной столице их, само собой, не встретишь. И говорить о них в благодати сытой жизни тоже не принято. – Она тоскливо усмехнулась. – Я их достаточно повидала в Балларе. Ину-торра. Полосатые псы. Умелые и жестокие воины-наемники.

– Они разумные? – спросила Анна, придерживаясь за холку Бонту на скользком подъеме.

– К сожалению, да, – подтвердила орчиха. – Хотя при первом взгляде в это трудно поверить. Но они говорят. И на своем языке, и на местном общем наречье... Корабль прошел мимо, госпожа. Можете пока успокоиться, – добавила она, желая немного разрядить обстановку.

– А если они вернуться?

– Вряд ли. У нас тут брать нечего, кроме старых камней. В деревне даже коров нету, козы одни. Четыре лошади... Несерьезно. А в угодьях господ эльфов полно дичи. Зуб даю, туда они и направятся. Запасутся провизией и через Верхний канал уйдут во фьорды Северного моря.

– Будем на это надеяться, – произнесла Анна и отвела ветвь рябины от лица.

Глаза справились с темнотой, и лес стал различим, хоть и сер.

Некоторое время Орра задумчиво молчала, шагая впереди, а потом вдруг остановилась.

– Можно спросить вас кое о чем, госпожа?

– Конечно, – позволила Анна.

Орчиха повернулась к ней, и в глазах ее отразилась луна.

– Как бы вы поступили, если бы корабль не прошел мимо Драконьего дола?

– Я бы попыталась защитить деревню, – озвучила Анна очевидное.

Орра смерила ее проницательным взглядом.

– Вы очень странная, госпожа. Уж не обижайтесь.

Анна растерялась:

– Разве я сказала что-то плохое? Разве заботиться о слабых и обездоленных – грех?

– Нет, но... Вы ведь жена герцога. В Драконьем доле были пару раз всего. – Она указала на притихшую, будто вымершую деревню. – С чего аристократке вроде вас переживать за незнакомых по сути крестьян?

– И как я, по-твоему, должна себя повести? – ответила Анна вопросом.

Орра пожала плечами. Последние капли дождя блеснули на грубой коже потертой куртки.

– Иначе... Закрыться в особняке, взять меня в охрану, так как я единственная здесь умею обращаться с оружием... И гиен. Они сильные... Сидеть, заперевшись на все замки, не думая о деревенских, и спасать свою жизнь.

Орчиха все верно подметила, поэтому Анна не стала юлить. Тем более что подходящая легенда уже была заготовлена и проверена.

– Послушай, Орра, – начала она. – У меня есть секрет, связанный с душевным здоровьем. После несчастного случая я потеряла память. Не помню ничего ни о себе, ни о мире. Своего мужа-герцога, встань он передо мной сейчас, не узнаю.

– Это-то понятно, – без особого удивления сказала орчиха. – Бывает: и память теряют, и вообще... Но все равно. Странно вы себя ведете. Пусть и забыли что-то...

Анна рассказала и про сны о другом мире.

В этот раз она поймала себя на том, что не может точно сказать теперь, а была ли та жизнь? Может, она на самом деле просто видела сон? И не было никакой Земли. Никакого Вани...

Никакого инсульта.

Она даже ущипнула себя за запястье. Единственное, что можно сказать точно, – этот мир существует. И здесь не сон. Здесь влага от только что прошедшего дождя копится на листьях и опадает легкими каплями в мох. Здесь плещется вода о борта уходящего прочь опасного корабля. Здесь люди, забившиеся в свои домишки, как мыши в норы, надеются и ждут спасения...

Орра выслушала рассказ без особых эмоций и сказала в конце:

– Если вам нужно будет спросить о чем-то забытом, делайте это смело.

А Анна в свою очередь попросила:

– Если я буду вести себя особенно странно, дай мне знак. Не хочется слишком сильно лишнее внимание привлекать.

На том и порешили.

Вернувшись в деревню, Анна постучалась в ближайший домик к Джине и Ирме. Сообщила, что беда миновала. Потом, усталая, вернулась домой, успокоила Марису и уснула без задних ног.

Сон, наплывший на нее из неизвестности, выглядел слишком ясным и четким, чтобы быть просто сном. В нем Анна ощутила себя невесомой тенью, призраком, парящим метрах в пяти над цветочной клумбой, слишком знакомой...

Анна сама ее делала из поставленных на угол сколотых кирпичей.

Цветы не завяли – вот счастье! Наверное, Марина с первого этажа их теперь поливает.

Ветер колыхнул Анну резким порывом и, как на гребне волны, вскинул к окнам. Тем самым...

Она не хотела в них заглядывать, но пришлось. Из открытой форточки доносился громкий голос Ивана:

– Ну, помянем мою старуху, ребята...

Анну затянуло на маленькую кухню и прижало к потолку. Она пыталась оттолкнуться от оконной рамы, чтобы улететь прочь, не видеть...

...но толкаться было нечем. От рук не осталось даже очертаний.

Лишь искристая дымка.

Пришлось любоваться на бывшего мужа, сидящего за столом с парой сослуживцев. Эти двое были моложе его лет на пятнадцать, и супруг невольно тянулся за ними, чтобы не чувствовать себя стариком.

Теперь все трое пили коньяк и закусывали его копченой колбасой. У стены сгрудились сумки с мокрыми вениками – компашка вернулась из бани.

– Повезло тебя, Вань, – вслух позавидовал простодушный и недалекий Сеня Плеткин. – Новая жизнь. Молодая жена. Мужики-и-ик!

– Снежана-то в курсе твоей новой пассии? – иронично подметил Альберт Симонов.

Анна его всегда недолюбливала за то, что он гулял от своей благоверной налево и не стыдился об этом рассказывать окружающим, считая извечные предательства поводом для мужской гордости... Но стоп! При чем тут какая-то Снежана? Кто это вообще?

– Нет, конечно, – огрызнулся на приятеля Иван. – Я с ней порвал сразу после того, как Аня померла. Зачем мне Снежанка-то? Разведенка с прицепом возрастом под полтинник в жены? Еще не хватало! Погуляли и будет. И характер у нее стервозный. Все хочет что-то, цену себе набивает. Красивая, зараза, но жить с такой – нет уж. Другое дело Вера. Молоденькая совсем. Я ее под себя воспитаю, и заживем!

Анна поморщилась бы от омерзения, будь она в живом теле, а не в образе бесплотного духа. Значит, Верочка Шмакова не единственная любовница мерзавца-муженька?

Вот те раз!

Гнев, только-только успокоенный новой жизнью в новом мире, захватил моментально. Темная волна поднялась внутри и опала.

Прокатился по кухоньке рокот. Содрогнулись стены.

В последний миг гаснувшей грезы бутылка коньяка покрылась сеткой стремительных трещин и разлетелась на куски.

Глава 4. Вот так новости

Сон Анна сочла предупреждением. Намеком на то, что расслабляться не стоит. Напротив, нужно собраться с мыслями, силами и хорошенько подготовиться.

Ко всему.

К встрече с герцогом. Тут начало уже было положено. Почтовый голубь – один из трех, имеющих в Драконьем доле, – должен был вернуться со дня на день.

Анна волновалась, думая, что птица может и не долететь, но Мариса ее успокаивала, обещая, что на всех пернатых почтальонах королевской почты лежит специальное заклятие, оберегающее от небесных хищников и лихих стрелков.

Чуть позже в библиотеке, погрузившись в чтение с головой, Анна выяснила, что стоят королевские голубки довольно дорого. Но что поделаешь? За качественный сервис и в ее мире порой приходилось платить немалые деньги.

С местным правом Анна тоже решила ознакомиться. К счастью, в энциклопедии нужный раздел имелся. К несчастью, он был довольно поверхностным и общим.

О разводах говорилось кратко. Анна уяснила для себя основное: все аристократические браки подразумевают заключение договора, в котором прописываются конкретные для каждой пары нюансы. В общем, для детального разбора ситуации хотелось бы, конечно, поговорить со специалистом. Легистом – так тут правоведа-юристы назывались...

После дождя на улице похолодало и прояснилось одновременно. Солнце играло в дубовых гривах, сбрызнутых первой позолотой.

Нежно касалось мха, ползущего по граням пирамиды.

Темная и странная, она оказалась погребом. С двух ее сторон имелись заглубленные в землю двери. Нужно было спуститься по каменным ступенькам, отодвинуть засовы и нырнуть в холодный полумрак. Вдоль скошенных стен ютились стеллажи, груды ящиков и бочек. Чуть уловимый, стоял в воздухе запах изабеллы.

И усыпальницу-ротонду Анна подробно изучила. Верхняя часть представляла собой пустое помещение-барабан, светлое и тихое. Огромные окна впускали достаточно света, чтобы разглядеть остатки полустертой росписи на стенах.

Под куполом метались воробьи...

Тут же был выход на балкон, по которому Анна обошла все строение, в какой-то миг зависнув над глубоким оврагом, на краю которого усыпальница и стояла. Лес за склоном тянулся до самой реки, и где-то там, на ее высоком берегу, таились норы каменоломни.

Опавшие листья летели в лицо с большой березы, ложились на перила, бросались под ноги, просачиваясь меж колонн балюстрады. В фарфоровой чашке, на глянцевых бочках которой сверкали узоры из цветов и созвездий, исходил паром можжевельный кофе. Мариса сделала: натолкла в ступке обжаренных ягод можжевельника, добавила по грамму корицы и гвоздики и еще пару зернышек настоящего кофе.

Вышло вкусно.

Анна забрала чашку, посильнее стянула на груди полы шерстяного салопы, спустилась по лестнице вниз, к основанию ротонды.

Пугающий саркофаг отыскался на первом уровне. Анна не стала заходить внутрь, заглянула через зарешеченное окошко у самой земли. Там пыльный сумрак скрадывал границы пространства, и саркофаг высился в нем одиноко, будто плыл в пустоте...

Мариса примчалась спустя минуту, взволнованная и запыхавшаяся.

– Госпожа, там Дрюмор приехал! – воскликнула громко.

– Дрюмор? – Анна в первый раз слышала это имя.

– Ах, да... – спохватилась камеристка. – Дрюмор – личный помощник его светлости герцога.

– И что ему надо?

– Вас увидеть.

Анна поспешила к дому. На секунду она разволновалась, а потом быстро успокоилась. Посланник герцога – не разбойник с большой дороги. Не монстр на реке. С ним более-менее все понятно. Начнет про развод говорить. Возможно, что-то требовать.

Пусть бы и угрожать.

Нестрашно.

Анна твердо решила, что будет до последнего стоять на своем, требовать назад приданое, а главное – не поддаваться на уговоры вернуться назад. Нет уж! Хотя, в последний исход событий верилось меньше всего.

Мариса, шагая рядом, сильно нервничала, кусала губу и, приходя в возмущение от какой-то мысли, хмурилась и мотала головой.

Наконец она решила озвучить один особенно неприятный момент визита.

– Представляете, госпожа, он, как в дом вошел, даже не поинтересовался, где вы. Стал управляющую требовать. – Камеристка понизила голос, будто мог кто-то их подслушать. – Я говорю, зачем управляющая, если надо саму госпожу звать? А он мне: так померла ж госпожа твоя...

Она замолчала, испугавшись собственных слов, так жутко они прозвучали.

– Так и сказал? – свела брови Анна.

Вот те раз. Умерла...

И самое обидное – так ведь и было! Так и произошло с прежней Анной, так что гонец, этот самый Дрюмор, прав... Вот только откуда у герцога уверенность, что все закончилось именно таким образом? Он что-то знал? Да, душевное состояние у прежней Анны было не ахти, но это же не гарантия стопроцентной гибели?

– Да, – подтвердила Мариса. – Упертый такой. Он небось до сих пор уверен, что я ему наврала про вас и просто так сбежала...

– Не волнуйся, – поддержала Анна камеристку. – Сейчас я лично с этим Дрюмором поговорю, и он живо свое мнение изменит.

Она первой вошла в разрушенный холл.

Там ждал мужчина. Тонкоусый, с остатками черных волос на висках, с блестящей загорелой лысиной, он походил на хитрого жука. Удлиненные фалды сюртука, болтающиеся за сгорбленной спиной, как крылья, завершали образ.

Не то чтобы Анна как-то особенно не любила жуков. Скорее напротив, но...

Было в госте нечто «опасно-насекомое», чуждое и настораживающее.

Гость узнал ее. Совершенно точно узнал. И изменился в лице. Пошевелил усами, еще сильнее прищурил и без того узкие глаза.

– Так вы и вправду здесь, ваша пока еще светлость? – произнес он наконец.

– Здесь, – подтвердила Анна холодно.

Что ж... Они встречались раньше. И не раз. Скорее всего, довольно часто пересекались... Как с ним общалась прежняя Анна? Что он о ней знал?

В любом случае после предательства мужа все поменялось. И теперь новая Анна могла себе позволить быть немногословной и недружелюбной. Еще бы! Ее ни с того ни с сего практически похоронили заживо.

«Ни с того ни с сего». Вот так. В кавычках. Уверенность, с которой Дрюмор не ждал застать герцогиню в добром здравии, наводила на прискорбные догадки.

Муж и его личный помощник причастны к приступу, случившемуся по пути в Драконий дол? Возможно. Вот только...

Она не успела додумать.

Дрюмор задал новый вопрос:

– Как ваше самочувствие?

– Прекрасно. Вы, как я понимаю, ждали иного?

– Да, – неожиданно признался герцогский посланник. – Я ждал другого. Вообще не думал вас живой тут увидеть.

Это было смело. И прямо. И неожиданно.

– И почему же? – продолжила расспросы Анна.

Она старалась держаться спокойно и величественно, как, наверное, и положено истинной герцогине. Но собеседник закладывал в непростом разговоре слишком крутые виражи... Анна ждала, что он начнет отнекиваться или извиняться, а он с легкостью все признал. Ну, если так, пусть объяснит все подробно с чувством-толком-расстановкой.

Согнав с лица последнюю тень удивления, Дрюмор объяснил:

– После вашего отъезда из Лирна его светлость обнаружил в ваших покоях наполовину выпитый бокал со странным напитком. Господин герцог встревожился и великодушно отправил непонятную жидкость на проверку к личному алхимику. Тот выяснил, что в бокале находилось опасное зелье, способное свести с ума или вообще убить человека.

Слова о великодушии прозвучали неуместно. Герцог выгнал жену без особой жалости, а тут вдруг «великодушие». С чего бы?

Было там зелье или нет, Анна не ведала, поэтому решила на блеф.

– Не знаю ничего ни про какие бокалы и зелья, – начала она. – И понятия не имею, как ваш яд попал в мои покои.

Интересно, что Дрюмор ответит?

Тот выкрутился:

– Значит, произошло некое недоразумение. – Он ничего не отрицал, не пытался уйти в тень, и это бесило. Оппонент, которого почти невозможно уличить во вранье или поймать на полуслове... – Я удовлетворен тем, что увидел. Вы в порядке, и это главное. Сообщу новость его сиятельству с предельной быстротой. Будьте здоровы, ваша светлость.

На этом он откланялся и поспешил к выходу.

Анна окликнула его, на ходу придумав еще один неудобный вопрос:

– А что бы вы сделали, если бы я обнаружилась тут мертвой?

– Проследил бы, чтобы ваше тело со всеми почестями погребли в фамильной усыпальнице вашей прабабки. Как и положено столь высокородной и титулованной особе, – не задумываясь, ответил Дрюмор.

Анна провела его до конца аллеи, а потом стояла и наблюдала, как он минует деревню, переходит мост. Там его ждет оседланная лошадь, породистая, в лакированной, с ажурными клепками сбруе. Видать, побоялся вести ее по шаткому мосту...

Как только герцогов посланник исчез из вида, Анна вернулась в дом.

Там Мариса, покрасневшая и рассерженная, нервно звенела в кухне посудой. Закипал на чугунной конфорке чайник. Пахло сухими травами...

– Вот ведь врун, госпожа! – возмутилась она, стоило Анне приблизиться. – Не было в том бокале отравы. Я сама в него успокоительное вам наливала. И себе тоже...

– Себе? – не поняла Анна.

– Ну конечно! Я всегда проверяю то, что вам наливаю. Меня так учили. – Она вскинула глаза к потолку. – И я сама тоже пробовала тот отвар...

– Как ты думаешь, зачем он приезжал? – перебила ее Анна.

– Зачем приезжал? – Мариса растерялась. Потом побледнела. Губы ее затряслись. – Это что же, госпожа... Это как же...

– Мой муж и его помощник знали о том, что мне станет плохо в пути. Более того, они думали, что я не доеду до места живой. И эта история с бокалом...

– Неужели герцог хотел вас убить? – ахнула камеристка и чуть не выронила из рук чашку. Аннину любимую теперь.

Ту, с космосом и цветами.

– Пока не знаю, – донеслось в ответ. – Но все это мне не нравится. И этот визит... Зачем Дрюмор приехал лично? Тащился в такую даль один. Могли бы и письма с прискорбной вестью дожидаться.

– Ужас, госпожа, – принялась сокрушаться Мариса. – Как жить теперь?

– Как и прежде. – Анна задумалась. Закусила костяшку большого пальца на сжатом кулаке. Отпустила. – Знаешь, теперь я вижу и плюсы этого места. – Она посмотрела в окно на дичающий парк. – Оно, пожалуй, самое безопасное. Сюда непросто доехать. Подобраться незаметно вовсе невозможно. Тут хорошо.

Анна опустила веки, прислушалась к треску поленьев в печи. К далекому крику ворона. К перезвону маленькой речки и рокоту большой реки.

Тут безопаснее всего.

Несмотря на разбойников. Несмотря на недружественных соседей.

Несмотря на разруху.

Тут есть верные люди, такие как Мариса, Ирма и Джина. И многие другие. Тут чуткие гиены, бесстрашные и сильные. Тут Орра, могучая работница и опытная воительница.

Тут гроты пещер.

Тут можно выжить.

А поездку к герцогу придется пока отложить. Это опасно. Придется выяснять нюансы их развода каким-то иным способом. Договор... Нужно срочно прочесть его!

Анна спросила у Марисы про личные бумаги.

– Мы их взяли?

– Ох, госпожа... – Глаза камеристки гордо сверкнули. – Герцог ведь хотел отнять их! Ваши письма, договора и титульные грамоты... Но я его обманула. Сунула в папку пачку старых листов для розжига, а настоящие бумаги положила в чемодан с исподним... – Она вдруг смутилась и покраснела. – С грязным исподним, что не постирано было и в спешке так покидано... Зато туда его сиятельство точно б не сунулся, заметь он подмену!

– Хитро, – похвалила ее Анна.

А сама вспомнила случай, когда в девяностые ограбили квартиру соседки, владелицы трех коммерческих ларьков. Забрали все: телевизор, видеомагнитофон, норковую шубу... А вот золото и камни не тронули, ведь ценности были надежно упрятаны в пачках гигиенических прокладок.

– Да уж как получилось... – еще больше засмутилась камеристка.

Анна позвала:

– Ну пойдем, что ли, достанем бумаги из разнесчастного чемодана.

– Да что вы! – всплеснула руками Мариса. – Я их, как приехали, в вашей комнате положила в шкаф на дальнюю полочку. А вещи все перестирала.

– Спасибо, – улыбнулась Анна. И теперь сама смутилась. – Ты в следующий раз не беспокойся так. Я исподнее сама стирать могу.

– Потому что так делает та женщина из ваших снов? – догадалась Мариса.

– Именно, – подтвердила Анна.

Они поднялись в спальню, там Мариса достала папку из небольшого ящичка, спрятанного за оленьей головой. Потянула за рога, и вуа-ля – выдвинулась вперед узкая глубокая полка.

– Вот, госпожа. Все тут...

В руки Анны перекочевала кожаная пурпурная папка с узорной защелкой. Спустя миг она была вскрыта. Содержимое разложено по кровати. Несколько писем от – Анна бегло просмотрела их, нашла в конце подписи – родителей. И от сестры. Еще от пары неизвестных женщин... Надо будет расспросить о них Марису... И прочитать внимательно, но это потом.

Анна вытянула из-под писем красивый лист с разноцветной рамкой цветочного узора по краю и изображением вставшего на дыбы дракона наверху. Дракон – герб королевства? Ладно... В тексте говорилось о том, что король – все его регалии, заслуги и титулы перечислялись аж в трех абзацах – жалует наследной графине Анне Кларк новый титул, герцогини, в связи с ее замужеством.

Понятно.

Под грамотой нашелся и договор.

Прочитав все его пункты, Анна нахмурилась. Составлено явно в пользу супруга. В особенности вот этот момент: в случае, если жена по собственной неосмотрительности утратит здоровье и красоту, муж вправе потребовать с нее неустойку в объеме всего приданого.

Вот так вот.

Анна не сомневалась, что ушлый герцог непременно воспользуется этим моментом. И еще одним, где говорилось, что после развода муж вправе забрать все свои подарки.

Она зацепилась за слово «свой». Хорошо, а как насчет подарков от других людей, например?

Про них ничего не говорилось. Правда, дальше шел странный пункт о подарках от любовников (если таковые вдруг обнаружатся). Их предполагалось конфисковать в пользу пострадавшей стороны.

Анна усмехнулась про себя. Интересно, новая пассия дарила что-то герцогу? А то можно было бы... Хотя вряд ли.

Она еще раз внимательно перечитала каждую строчку. Пусть найдется хоть что-то хорошее для нее! И оно нашлось. О личных подарках от родителей и подруг ничего не упоминалось. И о тех досвадебных ценностях, которые прошлая Анна наверняка привезла с собой из Кларк-холла.

Она уточнила у Марисы.

Та закивала:

– Были-были! Брильянтовые серьги. Кулоны с рубинами и сапфиром. Не приданое, а просто украшения. Просто личные вещи.

– Коней мы вряд ли вернем, – сообщила камеристке Анна, помахивая в воздухе договором, – а вот за бриллианты можно будет побороться.

Она прикинула, сколько продуктов удастся выручить за рубин. И получится ли починить мост? И есть ли поблизости ломбард?.. Как тут вообще ценности продают? Мысленно поругала себя – не нужно радоваться раньше времени и выделывать шкуру неубитого медведя.

– Поборитесь, госпожа, – попросила Мариса, от волнения крепко сцепив пальцы на натруженных руках. – Уж поборитесь! А я буду помогать вам, чем смогу.

Следующая пара дней прошла в делах.

Анна внимательно изучила крестьянские амбары и пересчитала собственные запасы. На зиму пока не хватало. Увы.

Голодные времена и дальние походы научили быстро рассчитывать раскладку продуктов на разное время на заданное количество человек...

С Оррой снова лазили под землю, бродили по переходам и гротам. Анна запоминала.

Номера и названия.

«Лисья спальня», «Крысиный дворик», «Дымчатая столовая»...

Кто их придумывал? Но в память врезаются хорошо.

Анна держала за медное кольцо старую лампу, и та, обливаясь маслянистым светом, выдирала у темноты очередную морду веселого барсука, нарисованного угольком на известняке. Таких барсуков насчиталось по пути штук пять. Все были разные. Один смеялся, другой хмурился, третий скалил зубы, четвертый спал, а пятый носил шляпу с пером...

– Что это за знаки? – спросила у Орры Анна.

– Это не знаки. Просто детские рисунки, – прозвучало в ответ. – Народу тут раньше много было. Ламп на всех не напасешься, да и дорого. Вот дети и светили, жгли лучину за лучиной. Углями рисовали со скуки картинки.

– Почему все время барсуков?

Орчиха пожала широченными плечами. На оголенных руках – Орра обходилась кожаной безрукавкой – тенями лежали шрамы...

– Не знаю точно. – Она беззлобно щелкнула нарисованного зверя по угольному носу. – У Джины спросите. Она как-то обмолвилась, что девчонкой тут тоже светила работающим. Примета, наверное, какая-то.

– Джина трудилась под землей? – удивилась Анна. – Она ведь, кажется, боится пещер?

– Ну... – Орра замялась. – То же раньше было. Еще в детстве ее. Мало ли что там... Так. Остороженько тут!

Она потянула Анну за плащ, заставляя пригнуться. Смоленая балка хитро пряталась над головой, не попадая в кольцо света. Можно было здорово удариться лбом.

Пролетела мимо летучая мышь, дерганая и бесшумная. Пометалась вокруг и исчезла в ближайшем переходе.

Большая.

«Они здесь все большие, или это та же самая?» – подумала Анна, ступая в очередной грот, просторный и длинный. Пол под тонким слоем воды блеснул зеркалом.

Анна восхитилась:

– Подземное озеро!

Орра показала на плоский камень, уставленный деревянными кружками. Большая их часть сгнила и развалилась. Но было и несколько новых.

Правда, совсем мало.

– Зачерпывать там, где поглубже. – Орчиха указала на углубление поодаль. – Чтобы муть не поднимать.

Они прошли по дорожке из крупных камней, уложенной так, чтобы не ступать по пригодной для питья воде, до дальнего конца грота. Там начинался новый ход, особенно длинный по сравнению с предыдущими. Из него расходились в стороны темные норы. Последняя была завалена.

Анна спросила:

– Тут был обвал?

– Нет. – Орра указала на ровную плиту потолка. – Тут все крепко. А это... Это еще при вашей прабабке закрыли.

– Зачем?

Гиены, подслушав разговор, прибежали из мрака и принялись демонстративно ковырять лапами камни. Хотели помочь.

– Нельзя, – скомандовала орчиха, они перестали. – Никто из нынешних жителей не знает, зачем, – ответила она на вопрос. – Там нижние гроты, которые позже этих раскопали. Ненадежные, наверное.

– Понятно.

Анна бросила на завал последний взгляд и последовала за Оррой дальше. Они повернули несколько раз, прошли длинным тоннелем, полным подпорок, и выбрались к знакомому забою. Он пустовал, лишь поблескивали слезно кристаллы.

Орра подозвала Бонту и Ашу, принесла из ящика, прячущегося в темной нише, крепкую сбрую с объемистыми кожаными сумками по бокам.

– Сегодня мы грузимся и вывозимся за мост, – объяснила Анне, укладывая камни в сумки. – Через несколько дней ярмарка на Репейном холме. Надо быть.

Анна взялась помогать. Поднесла несколько окаменевших раковин, чисто выбитых из породы.

– А что там вообще? – спросила.

– Все подряд продают. Смотрят. Ходят... Да как на любой ярмарке... – Орчиха задумалась на секунду. – Ну или не на любой. На деревенской. В захолустьях... У вас там в столицах не так все, наверное.

Анна не стала спорить.

Подтвердила:

– Наверное.

И поднесла еще камень.

Орра нагрузила гиен и рюкзак себе.

– Вот так... – Вскинула ношу на мощные плечи. – И пойдем.

– А я что? – Анна виновато огляделась вокруг. Не хотелось быть бесполезной. – Как какая-то белоручка.

– Вы не донесете, – строго покачала головой Орра.

– Я подниму. Хоть один.

Анна схватила плоский пласт с россыпью ежовых коричневых игл.

– Поднять-то поднимете. Но не донесете. – Орчиха была непреклонна. – Тропу вспомните. Она скользкая опять после дождя. Вы сюда шли – шатались, а с ношей такой... Не-е-ет. Покачнетесь да рухнете вниз с откоса. Вам оно надо?

– Не надо, – сдалась Анна. – Но уж очень не хочется быть бесполезной, когда другие трудятся.

– Пойдемте... – Орра не стала больше медлить. Ноша была нелегка. – А вы не бесполезная, – продолжила она по пути к выходу. – Вы в другом нужны. Вы думать должны. Планировать.

– Что-то пока не получается хорошо это делать, – призналась Анна. – И с этим мостом. И с этим разводом... И с этой зимой. Я ведь считала... И из того, что насчитала, немного проку получается. А ведь надо и того, и другого...

– Надо, – не стала спорить орчиха. – Ну так мы ж тут не первый год живем. Не первую зиму. И не умерли пока. Так что справимся.

Анне отчего-то не верилось. Да и не хотелось выживать, преодолевать на последнем издыхании. Хотелось, чтобы было спокойно. За всех. Знать, что все будут сыты и согреты до самой весны. Жить просто...

– Справимся...

– И по поводу моста вы зря так печетесь, – решила разрядить обстановку Орра. – Он нам ведь и помогает. По нему конный отряд разбойничий не пронесется. Все аккуратно, медленно ходят – и это хорошо.

– Так и камень неудобно возить, – не разделила ее оптимизма Анна.

– Камень, госпожа, из гротов неудобно вытаскивать по низким ходам да по тоненьким тропкам. Гиены помногу не уносят, как ни крути. Новый выход, чтоб ближе к забоям был, нужен. Чтоб коней подвести получалось с телегой... Вы в разные стороны смотрите, госпожа, а не в одну.

Не поспоришь.

Они вышли, отвезли камни и еще раз вернулись.

И еще.

Всего три ходки.

После, уже дома, Анна спросила у Джины про барсуков. Та удивилась. Вспомнила и сказала:

– Когда в каменоломне была работа, я светила там, как и все другие деревенские дети... Из уст в уста передавали, что ежели заблудишься в туннелях или застрянешь где, надо всегда звать на помощь серебряную барсучиху.

– И помогало?

– Кому как. – Джина залила кипятком разнотравье в большом чайнике. Голос понизила, хоть кроме них двоих на кухне никого больше не было: Мариса ушла вместе с Оррой в дровяной сарай. – Мне один раз помогло. Случилось так: плита сверху упала и отделила меня от остальных. Там уже было не разгрести... И без света... – Ее голос дрогнул. Воспоминания были не из приятных. – Обшарила нити – все указывали в сторону обвала. Единственный проверенный путь. Я стала искать новый ход. Хоть какой-нибудь... И звала. Барсучиху...

– Пришла она?

Джина кивнула:

– Пришла. А может, мне в темноте примерещилось... Голос – рычание и фыркание... Я ползла на этот голос сквозь такие дыры, что застрянь – и все, намертво! Но нужный ход отыскала, как видите.

– Какая жуткая история... – вырвалось у Анны непроизвольно.

– Обычная история. – Джина пожала худыми плечами, и ее высокая фигура склонилась над чугунной конфоркой печи, где жарились на сковородке лисички. Она помешала их деревянной ложкой, заставив шипеть. Перевела тему: – Грибов нынче много, госпожа. Мы и солим, и сушим. Так что вы не бойтесь.

Слухи о том, что хозяйка имения боится голода, разошлись уже по всей деревне.

Анна поразились их скорости:

– Не то чтобы я боюсь. Просто переживаю.

– Не переживайте. Перезимуем. Вот и матушка пришла...

Как Джина услышала? Непонятно. Лишь чуть слышно скрипнул пол в разваленном холле.

Ирма принесла корзину яблок. Поставила посреди кухни.

– Вот. И не переживайте...

Опять.

Анна вздохнула. Попыталась оправдаться:

– Да я не за себя... За деревню.

– В этом году яблок много, – неопределенно махнула рукой Ирма. – Там, в заброшенном саду. Отведайте, госпожа.

Анна взяла одно, откусила. Ароматное. Сладкое, почти совсем без кислинки...

Похвалила:

– Чудесное.

Следующим утром прилетела птица от родителей.

Сизый голубь, породистый почтарь, крупный, с длинной шеей, сел на подоконник и требовательно постучал загнутым клювом по оконной раме. Он будто прилетел из Анниного детства. Тогда голубятни были в моде, и птиц необычных кровей имелось в изобилии.

Мариса сняла с голубя сбруйку, вытянула из крошечного кармашка сложенное в маленький кубик письмо. Передала Анне. Когда листок, весь перечерченный квадратами серых сгибов, был развернут, на нем обнаружился тот самый список.

Анна пробежала взглядом. Какие-то бытовые вещи вроде подушек, одеял и перин. Покрывала ручной работы. Пара картин – имена художников ничего не говорили, но звучали солидно. Сервизы. Лошади опять же. Сани. Двуколка с кожаным сиденьем. Что-то там из упряжи, судя по описаниям, с серебром и самоцветами – красивое.

И еще имение, Ромашковая усадьба.

Это уже существенно...

Анна отложила лист, кивнула на него Марисе.

– Расскажи мне про имение, пожалуйста.

– Ох, – расстроилась камеристка. – Лучше б вы про него и дальше не вспоминали.

– Почему?

– Так жалко же! Оно на озере Лип. Уж какой там курорт! А дом? Дом – как из сказки, весь в резьбе и балконах. А сад! Одних роз сто тридцать сортов. Пруды и фонтаны... Как будто самое прекрасное место на земле.

Анна задумчиво потерла переносицу. Захотелось поправить очки, которых не было. В прошлой жизни она надевала их для чтения. В основном. А еще, когда нужно было хорошенько сосредоточиться и подумать.

Все как-то не сходилось.

Дурацкий пункт в договоре практически стопроцентно обеспечивал герцога Анниным приданым. И это имение, такое расчудесное по Марисиним словам, как пить дать должно теперь остаться у него.

Все карты в его руках. Тогда зачем...

Он сомневается в чем-то?

Отчего?

И убийство... Как бы оно помогло, случись Анне не попасть сюда?

Разве внезапная смерть герцогини не вызвала бы лишних вопросов? К чему такой риск?

Чего еще она не знает?

Анна думала, складывала одно с другим, прикидывала так и эдак, но толку не выходило. Мысли в голове смешивались в нервный винегрет: покушение, случайность, ракушки, мыши, эльфы, яблоки, зима...

Голубь от сестры прилетел уже под вечер.

Послание, что принес он с собой, было пропитано возмущением:

«Ани, дорогая! Скажи мне, как? Как это чудовище (твой муж) посмело отправить тебя в столь отвратительное захолустье, как Драконий дол? Это место просто ужасно! Мне так тебя жаль, милая Ани. Помнишь, как я поругалась с мамой и отказалась от него перед самой своей свадьбой? В итоге за мной остались домик в Мирабу и этаж в столице. Говорила я ей – ну продай, продай ты эти мерзкие развалины... Нет! Она переписала Драконий дол на тебя. Ну почему не его отдали в приданое? Почему «Ромашку», этот уютный рай? Генрих радуется теперь! Я его видела недавно на балу с этой... С ней! Возмутительно! Я рыдала сутки, Ани! Как, кстати, твоя нога? Ты ходишь? Я тут подумала, может, ты поживешь у нас с Кайлом? Все лучше, чем та глушь, куда тебя бессовестно сослал этот изменщик. Ты нас не стеснишь. Будем ходить в салон к Северине и пить кофе в кофейнях у канала. Я излечу тебя от тоски, обещаю. Будь здорова, моя дорогая Ани, и приезжай ко мне скорее в гости. Очень жду и переживаю за тебя. Твоя Маргарет».

Прочитав послание, Анна сложила его вчетверо и убрала в тайник к остальным.

Предложение отправиться в гости было заманчивым и пугающим одновременно. Маргарет столь эмоциональна, так волнуется за Анну... Видимо, они были близки.

И Маргарет точно заметит перемены. Поверит ли в беспамятство?

Должна поверить.

В конце концов, из родни кроме нее и родителей у Анны тут никого. Встретиться нужно.

Она позвала Марису и принялась расспрашивать. Камеристка отнеслась к проблеме с пониманием.

– Вы с сестрицей вашей всегда хорошо общались. Замуж вышли почти одновременно... Особа она впечатлительная, можно даже сказать, что взбалмошная. Возмущаться любит по всякому пустяку. Всегда обо всем переживает и никакую загородную жизнь на дух не переносит. Модой увлекается. С родителями постоянно в штыки! Уехала, никому ничего не сказав, с молодым купцом, что косметику всякую – пудры, блески и краски – продает. Ох, как матушка зла была на нее тогда! Только с вами она всегда общий язык и находила.

– Хочу поехать к ней. Поговорить, – поделилась мыслями Анна. – Как думаешь, плохая идея?

Сама она считала, что плохая. С одной стороны. Ведь кто, как ни родня, знает бывшую обладательницу Анниного тела в этом мире лучше всего? С другой стороны, молодая и импульсивная Маргарет может с легкостью принять историю про потерю памяти. С родителями в этом плане, скорее всего, будет сложнее...

– Поезжайте, конечно. Там и развлечетесь, а то небось устали уже в захолустье без светской жизни-то? В Норвине приемы, балы, салоны, бега. Термы, говорят, открыли новые... – Мариса сначала вдохновилась идеей поездки, а потом вспомнила и про плохую ее сторону. – Только вот косые взгляды ж будут после всего... Зашепчутся за спиной. Тьфу! Как подумаю...

– Не то чтобы меня это сильно пугало, – успокоила ее Анна. – Пожалуй, все-таки стоит съездить.

И разузнать.

Сестра что-нибудь да расскажет. Полезное. Чтобы ну хоть какая-то зацепка появилась...

Эльфы приехали к полудню и остановились слишком близко.

Опасно близко...

Анна вновь ощутила это неприятное, тревожащее беспокойство.

Ладно Великая с ее крутым берегом, но как их лошади прошли по той склизкой, зыбкой тропе, что тянется вдоль Резвянки?

К счастью, дальше домика Орры они не продвинулись. Встали у начала деревни и потребовали немедленного разговора с леди Драконьего дола.

Орчиха выдержала красноречивую паузу. В глазах ее светилась нескрываемая неприязнь. И гиены, как отражение хозяйки, стояли взъерошенные, натянутые, и предупреждающе угугали, опуская морды к земле.

– Позову. Ждите, – бросила наконец Орра и неспешно направилась в особняк.

Вскоре вернулась с Анной.

Та, огорошенная неожиданным визитом, даже не успела скинуть фартук. Они с Марисой разбирали поломанные вещи в холле.

– Леди Анна? Что с вами произошло? – изумился Элерис. И ниспадающие на грудь локоны пригладил. – Крестьяне взбунтовались?

– Во-первых, здравствуйте, – произнесла Анна тем особым наставительно-строгим тоном, которым обычно говорят пожилые женщины ее мира, рожденные в двадцатом веке. Примерно в середине его... – Во-вторых, со мной все в порядке. Я просто проводила время с пользой. – Это был намек. На противопоставление себя с кем-то, кто тратит его без пользы, шатаясь без дела по чужой территории. – И в-третьих...

– У нас к вам дело, леди Анна, – равнодушно прервал ее Лоран. – Важный разговор.

– О чем же? – Анна стряхнула с подола пыль и несколько прилипших щепок.

Больше всего времени ушло на обломки обвалившейся галереи. Они с Марисой собирали их и выносили на двор к дровяникам.

– О разбойниках. Вы ведь в курсе, что они приплыли? – продолжил Лоран.

– Я видела корабль, – ответила Анна без утайки. – Разбойники проплыли мимо. Направились вверх по реке. Там, кажется, ваши владения?

Последнюю фразу Лоран пропустил мимо ушей. Явно специально.

– Вы же понимаете, что они могут быть где угодно? – заявил настойчиво.

– Понимаю.

Анна оглядела всех прибывших. Снова высокородная троица. Вечно мрачный, подозрительный Лоран. Элерис с его приторным ехидством. И третий, который молчал тогда и снова молчит.

Егеря еще. Шестеро.

Принесла нелегкая опять...

А Лоран все ходил вокруг да около.

– И на вашей территории тоже. Понимаете?

– Понимаю. – Анна размашисто обвела рукой вокруг себя. – Усадьба. Дворы жителей, коих немного. Мы бы заметили чужаков, уж поверьте.

– А в каменоломне?

Анна чувствовала, что к чему-то подобному все и придет.

Орра, стоящая рядом, склонилась с высоты своего роста и шепнула на ухо почти неслышно:

– Пусть проверяют...

В ее голосе крылось веселье. Отчего, интересно знать?

Но Анна не стала сомневаться в словах орчихи.

Объявила:

– Можете проверить мою каменоломню, если хотите.

В конце концов, это не лишнее. Вдруг там, в туннелях, какой-нибудь отбившийся разбойник вправду схоронился? Вряд ли, конечно, – уж Орра бы заметила – но вдруг?

Лоран согласился:

– Проверим. Пойдемте. Вы, как хозяйка, должны присутствовать.

И развернул лошадь.

Его соратники поехали следом, а Анна с Оррой пошли пешком.

«Мариса там, наверное, с ума сходит», – мелькнуло в мыслях.

Гиены трусили рядом, готовые в любой миг броситься на защиту хозяйки и госпожи.

Чуть поотстав от качающегося перед носом зада замыкающей лошади, орчиха шепнула довольным тоном:

– Сейчас начнется веселье.

– Что ты имеешь в виду? – тихо уточнила Анна.

– Будут решать, кто полезет в нору. Это же эльфы. Они ненавидят подземелья. И кому-то из них очень не повезет. Князя найдут причину отвертеться от спуска. Кому-то из егерьков отдуваться придется, помяните мое слово. Но отпираться до последнего будут все. Посмеемся.

– Я тебя поняла, – кивнула Анна, ощутив в рукаве пусть мелкий, но все же козырь.

Не все эльфам над ней приосаниваться...

Они еле-еле разместились на площадке перед входом в гроты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.